

ГРОЗНОЕ ДЕЛО

СЕРГЕЙ
БУЛЫГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Сергей Бульга

Грозное дело

«ВЕЧЕ»

2015

Булыга С. А.

Грозное дело / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», 2015 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8431-9

14 ноября 1581 года в Александровой Слободе при невыясненных обстоятельствах смертельно ранен наследник престола, старший сын царя Ивана Грозного, царевич Иван Иванович. Немногочисленные свидетели наотрез отказываются давать какие-либо показания. Тогда расследовать преступление назначается лучший сыщик Разбойного приказа Трофим Пыжов, хорошо знакомый читателям по романам «Царское дело» и «Углицкое дело». Но тогда было значительно проще, а теперь Трофим едет в Слободу как на казнь. И тем не менее...

ISBN 978-5-4444-8431-9

© Булыга С. А., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	19
7	22
8	25
9	29
10	32
11	37
12	42
13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Булыга

Грозное дело

© Булыга С.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

1

В одна тысяча пятьсот восемьдесят первом году от Рождества Христова, в ноябре пятнадцатого... нет, уже шестнадцатого дня, было ещё совсем темно, но Трофим вдруг проснулся и на всякий случай сразу сунул руку под подушку, к ножу. Нож был на месте. Слава Тебе, Господи, с облегчением подумал Трофим, а то приснится же всякое. Отпустив нож, повернулся на спину, прислушался. В хоромых было тихо. И во дворе никто не баловал. Тишина была полнейшая. Вот только Гапка нет-нет да похрапывала. Трофим протянул руку и толкнул ее в бок. Она заворчала и притихла. Время было ещё очень раннее, вполне можно было подремать, но Трофиму чужилось неладное. Он ещё немного полежал и подождал, а потом неслышно приподнялся, сел на лавке и опять прислушался. Вначале было совсем тихо, а потом Трофим услышал, как наверху, на втором этаже, у князя в сенях, закрипели половицы. Потом ещё и ещё! Что там такое, подумал Трофим, кому не спится? Он опять потянулся к ножу, взял его наизготовку и осторожно спустил ноги с лавки. В сенях у князя опять заходили, уже почти не таясь. Ага, подумал Трофим, вот даже как, и, положив нож рядом, начал одеваться. Темнотища была, как в берлоге, свет шёл только от лампадки. Трофим чертыхнулся. Гапка сразу заворчалась.

– Лежи, – строго сказал Трофим.

Гапка послушно замерла.

В княжьих сенях уже почти совсем не таясь пошли вниз по лестнице. Трофим обулся, надел шапку, повернулся к образу Николы, к лампадке, и перекрестился. Эх, ещё успел подумать Трофим, какой был сон недобрый, ну да не такие бывали, а всё равно отбивался. И, успокоившись, подошёл к задней двери, встал сбоку, прижал руку с ножом к поясу и затаился.

А те подошли и остановились с той стороны. Трофим свободной рукой неслышно откинул задвижку и резко рванул дверь на себя. Оттуда полыхнуло светом. Это те пришли с огнём. Те – это Мартын, княжий дворский, он без ничего стоял, а с ним Степан и Илья, вот эти и были с огнём.

– Вам чего? – строго спросил Трофим.

– А ты чего? – злобно сказал Мартын. – Так и стоял здесь всю ночь?

– Так и стоял. Вас дожидался.

– Нож убери хотя бы!

Трофим убрал нож. Мартын уже не так злобно продолжил:

– Князь тебя спрашивал. Пойдём.

Они пошли. Трофим шёл и думал, что раньше он бы весь извёлся, гадал бы, что к чему, а теперь ему что? Теперь всё едино. Заматерел. Они поднялись по лестнице, подошли к княжьим сеням, сторожа расступились, Трофим сам открыл дверь и вошёл.

Это была ответная палата. Много здесь кто ответ держали! Ох, место бойкое! Бывало, как возьмёшь кого...

Но дальше Трофим думать не стал, а остановился и снял шапку. Напротив него, на мягкой лавке, покрытой коврами, сидел сам князь Михайло Борисович Лобанов-Ростовский. И хоть там свету тоже почти не было, Трофим сразу понял, что князь смотрит очень строго. А князь умел строго смотреть! И ещё как! Бывало, как глянет, так не только Трофима, но и родовитого боярина каких хочешь кровей сразу за бороду – и тащат к князю в Разбойный приказ, третий подъезд налево, а дальше прямо, потом направо, на второй этаж – и там князь усмехнётся, обернётся и велит: Трофимка...

Да, крут был старый князь Михайло, умел силу показать! Но сейчас он был будто сам не свой. Поднять людей в такую рань и самому не спать – всё это неспроста и у князя не в обычае. Тут только если что от Самого, из Слободы пришло, думал, глядя на князя, Трофим. А потом подумал: ну и ладно.

Князь как будто бы это услышал – сразу же заулыбался и сказал:

– Чего так побелел? Грех за собой прочуял?

– Нет пока что, – ответил Трофим.

– А чего я тебя вдруг посреди ночи выдернул?

– Значит, беда какая-то случилась. И без меня никак.

– Ох, дерзок ты, Трофим! – строго сказал князь. – На виску бы тебя. Да повыспрашивать.

– Воля твоя, боярин, – так же строго ответил Трофим.

– Это я так, – сказал князь, усмехаясь. – А ты сразу зубы скалишь. Сколько в тебе зла, Трофим! Вот потому и живёшь бобылём. Никто за тебя идти не хочет. Один только срам разводишь. Тьфу на тебя!

Тут он и вправду сплюнул. Трофим молчал. Князь Михайло был прав, Трофим это знал и помалкивал. Грех – это Гапка, думал Трофим, в блюде они живут, невенчанно. Ну да и кто без греха! И что он, чернец, что ли?

Но тут князь сказал:

– Беда у нас, Трофимушка, ох и беда!

Трофим молчал. Князь повторил:

– Беда!

Но так и не сказал, какая, а сразу прибавил:

– Надо тебе срочно ехать, Трофим. Прямо сейчас. Ты даже к себе обратно не ходи, чтобы разговоров не было. Я тебе здесь шубу дам, двадцать рублей ефимками. И конь при крыльце стоит, и провожатый...

– Государь, что ли? – не выдержав, спросил Трофим.

– Что государь? – не понял князь. А когда понял, почернел, встал с лавки...

Но Трофим уже заговорил поспешно:

– Батюшка боярин! Куда ехать?

Князь опять сел, сердито сказал:

– Провожатый скажет. Провожатого звать Клим. Он дорогу знает. А это вот тебе.

И князь достал из-за пазухи и протянул Трофиму небольшой кусок овчины, вершковый кругляшок, не больше. Трофим перевернул овчинку и на её лысой стороне увидел царского орла. Орёл был очень необычный – не чёрный, жжёный, как всегда, а красный. Трофим сжал губы.

– Вот-вот! – сердито сказал князь. – Уразумел?

Трофим только вытер пот со лба, а вслух ничего не ответил.

– Вот так и дальше молчи, – сказал князь. – А только пикнешь, перетрут верёвками, на ключья разорвут и скормят псам. Понятно?

Трофим кивнул, что понятно.

– Иди!

Трофим пошёл. Как во сне.

2

В сенях стоял Мартын со своими, они держали свет, а у Мартына в руках была шуба. Шуба была богатая. Трофим не спеша оделся. Мартын подал кошель, Трофим взял его, встряхнул. Кошель был тугой, даже небрякнул.

– Эх! – только и сказал Мартын сердито.

Мартын был недобрый человек, завистливый, все это знали. Трофим повернул к лестнице, Мартын пошёл за ним.

А люди зашли вперёд и светили, чтоб было виднее идти.

Когда Трофим вышел на крыльцо, они уже спустились вниз, и там, при их свете, он сразу увидел двух коней, а возле них стоял кто-то в чёрной шубе, нарочно отвернувшись в сторону. А вокруг было ещё совсем темно, небо было всё в тучах, без звёзд. Дул ветер. Было холодно. Трофим перекрестился и пошёл с крыльца.

Когда он спустился во двор и подошёл к коням, то только прищёлкнул языком – такие они были справные. И тут повернулся тот, чьи это были кони. Человек он был как человек, ничего в нём недоброго не было, а вот не хотелось на него смотреть, и всё тут. Трофим нахмурился, сказал:

– Меня Трофимом звать.

Тот человек молчал.

– А тебя Климом, – продолжал Трофим.

Клим в ответ только усмехнулся, похлопал одного коня по холке, вскочил на него в один мах, поёрзал в седле, хмыкнул и сказал:

– Айда!

Трофим сел на второго коня. Они поехали. Один из Мартыновых людей, Илья, забежал им вперёд и начал махать огнём. Ворóтники это увидели и стали открывать ворота. Клим с Трофимом в них проехали. Илья, поджидая их, остановился. Клим подъехал к нему, забрал свет и, высоко подняв его, свернул налево – и они, Клим и Трофим, поехали по Житничной улице. К Никольским воротам, подумал Трофим.

И угадал, они подъехали к Никольским. Там, как только их увидели, тоже не стали спрашивать, ни кто они такие, ни куда их несёт, а сразу побежали открывать. Но Клим всё равно был недоволен, назвал их сучьими детьми и сказал, что очень спешит. Они открыли ворота, подняли решётку, опустили мост – и Клим с Трофимом выехали из Кремля и поехали дальше. Клим ехал впереди, Трофим за ним. Миновали Воскресенский мост – там перед ними тоже только разбегались, а дальше, Трофим так и думал, повернули к Сретенке. Было ещё совсем темно, только на рогатках горели костры. Рогатные, завидев Клина, поспешно вставали, раздвигали рогатки – и Клим с Трофимом ехали дальше. Было очень холодно, поднялся ветер, пошёл редкий снег, твердый, как крупа. Дурная примета, подумал Трофим, как бы их самих, как крупу, не сварили. И тут же додумал: а ведь и верно, их некормленных послали, как собак. Или, может, Клина покормили, а только его нет? И теперь, на голодное брюхо, пёс его знает, куда гонят.

Хотя, тут же подумал Трофим, как куда?! По Сретенке куда ещё можно попасть?! Да ещё ночью! Да с красным орлом! Пресвятая Богородица, Святой Никола, не выдайте! И Трофим уже в который раз за эту ночь перекрестился.

Тут они выехали на площадь перед городскими Сретенскими воротами. Трофим посмотрел на небо и увидел, что оно с одного края уже начало светлеть. У ворот стояли сторожа. Старший из них спросил:

– Ну как?

– Как, как! – сердито отозвался Клим. – Да как всегда. Открывайте!

Пошли открывать. Пока открывали, Трофим потрепал коня по гриве, провёл рукой по загривку. Конь был холёный, сытый. Сорок рублей, не меньше, подумал Трофим, такого гнать – грех. А ведь придётся.

И пришлось! Как только открылись ворота, Клим бросил огонь на землю, свирепо гикнул, пнул коня – и поскакал вперёд. Трофим поскакал следом. Протоптали по мосту и поскакали дальше. По государевой ямской дороге. На Ростов. Светало. Эх, думал Трофим, чего и спрашивать, ясное дело, куда они скачут, вот только зачем? Давненько он с красным орлом не езживал! Больше десяти годов, это когда ещё Малюта был живой. Вот когда были времена! А что сейчас? Да одно баловство. А тогда таракан за печкой лапкой шваркнет – и ты уже вскочил и слушаешь, идут за тобой или нет. А теперь что, теперь с Гапкой вожжался, пришёл Мартын, а ты ему: «Пошёл вон!»... Да вот только Мартын никуда не пошёл, спохватился сердито Трофим, а это он сам вскочил и поскакал невесть куда. А Мартын дома на печи лежит и в потолок поплёвывает.

Примерно с такими мыслями скакал Трофим по ростовской дороге за Климом. Быстро скакал, чуть попевал. А уже рассвело, небо было серое, ветер дул гадкий, сыпал снег, кони скакали справно, широко, на дороге было пусто.

А на душе погано. Давно пора, думал Трофим, спросить у Клима, куда они едут, но вот как-то не получалось, Клим всё время скакал первым. А когда Трофим наддавал и подскакивал, Клим сразу тоже наддавал и опять ускакивал вперёд. Это он нарочно, пёс, сердито думал Трофим, это чтоб не разговаривать, они там все такие.

А где это «там», Трофим даже в мыслях не думал. И скакал себе за Климом. Стало уже совсем светло. Конь под Трофимом взмок и начал надсадно похрапывать, день был холодный, ветренный. Эх, тяжело думал Трофим, так и коня недолго загубить, сорок рублей, свят-свят! И, не сдержавшись, крикнул:

– Клим! Может, придержим? Мой стал что-то подсекать, как бы беды не вышло.

Клим обернулся, посмотрел и, ничего не сказав, отвернулся. И только ещё наддал. Эх, тяжело подумал Трофим, вот она, царская служба, и тоже наддал. Так они ещё с полверсты проскакали, когда Клим вдруг обернулся и сказал:

– Мало уже осталось. Не робей. Доскачем.

Как это мало, подумал Трофим, куда это они тогда скачут? Ничего же здесь такого нет, куда бы так спешить. Но переспрашивать не стал. Да если бы и стал, Клим не ответил бы.

А на дороге уже стали появляться встречные, а также и попутные. Клим тогда ещё изда- лека кричал:

– Поберегись! Ожгу!

И ожигал, если мешкались. У него для этого был кнут за голенищем. И скакали дальше. Но не так размашисто. И вот стали кони спотыкаться и громко захрапывать. Беда, думал Трофим, а если не доскачем? До яма, до Учи ещё вон сколько, а раньше коней нигде не сменишь.

Но не угадал. Когда они стали подскакивать к Тарасовке, Клим обернулся и со смехом крикнул:

– Доскакали!

Так оно и было. Только они прискакали в ту Тарасовку, как Клим начал кричать:

– Давай! Давай!

И сразу невесть откуда, из-за церкви, выбежали двое молодцов с конями. Клим, доскакав до них, спрыгнул на землю. Трофим спрыгнул за ним. Молодцы подали им свежих коней. Трофим сразу полез было в седло, но Клим удержал его. Трофим остановился. Ему подали шкалик с пирожком. Пирожок был ещё тёплый, с мясом. Трофим выпил и начал закусывать. Клим тоже закусывал, молчал. А закусил – и сразу сел на свежего коня. Трофим сел на другого. Этот конь, подумалось Трофиму, тоже не меньше сорока рублей потянет.

– Теперь до Учи, – сказал Клим, и они сразу поскакали, и почти сразу в галоп. У царя много коней, думал Трофим, и если царю надо спешно, то надо спешить. Не приведи Господь царя разгневать!

Так они скакали десять вёрст, до Учи, загнали и этих коней. Да и самих себя тоже, подумал Трофим, слезая с седла на землю.

– Не садись! – строго прикрикнул Клим. – Потом не встанешь!

А и верно, подумал Трофим, и остался стоять. Ему подали шкалик, он выпил. И съел пирожок. Пирожок был рыбный и сбоку с икрой. Трофим посмотрел на молодцов. Молодцы дали ему ещё. Он съел и это.

– Поехали! – сердито сказал Клим. – А то казну обожрешь.

Про казну он сказал ради шутки, но Трофиму это всё равно не понравилось. Он молча влез на коня и поскакал за Климом. Было холодно, ветер разогнал тучи, показалось красное солнце. Эх, тоскливо подумал Трофим, не по добру они скачут. Что там ещё за беда приключилась, кого государь казнил? А что казнил, сомневаться не приходилось – вон какое солнце красное, значит, казнил. А вот кого? Кто там сейчас у него в Слободе?

А что они скачут в Слободу, Трофим уже не сомневался. Потому что куда ещё так скакать?! В Ростов мышей ловить? В Ярославль за гнилой рыбой?! Нет, только к государю в Слободу, а это ещё тридцать вёрст до Радонежа, а после в сторону и ещё столько, нет, даже ещё больше, до Слободы. Во аж куда! За один день! А обычно туда ехали два дня. На своих конях. Своих так не погонишь! За первый день они доезжали до Радонежа, там проезжали ещё немного дальше, заезжали в Троицу и уже там ночевали. А утром в церковь, исповедался и причастился – и только тогда в Слободу, после причастия. Потому что мало ли! Вдруг государь разгневается! А тут, Трофим чуял, заезжать в Троицу они не будут, а без покаяния сразу поедут в Слободу и там предстанут пред грозные очи. Вот куда они сегодня скачут! Но зачем? Какая там крамола открылась? Да и что крамола? Для крамолы у государя есть нарочно на это натасканные люди, а что Трофим? Трофимово место – Разбойный приказ, вот он разбойников и ловит, а какой разбой в царских палатах?! Вот о чём думал Трофим, и так в этих думах доскакал сначала до Талицы, выпил шкалик, съел пирог и поскакал дальше, а после так же выпил и перекусил в Тишково. И только уже в Радонеже как слез с коня, так не удержался, ноги подогнулись, и он сел на землю. А попробовал подняться, не смог, и посмотрел на Клима. Клим сказал:

– Ладно, сиди пока. Половину уже отмахали, засветло должны доехать.

– А ехать-то куда? – спросил Трофим.

Клим как будто не расслышал и продолжил:

– Славный сегодня день, нежаркий. По холодку справно скакать. А дальше будет ещё легче. Дорога пойдёт гладкая, ровная, будто твой стол.

И Клим усмехнулся. Трофим понимающе кивнул. Он теперь знал наверняка, что они едут в Александрову Слободу, потому что во всём царстве была только одна такая славная дорога, чтобы снизу были брёвна, сверху глина битая и обожжённая – и так на пять сажень в ширину и на сорок вёрст в длину. До самой Слободы ни одного ухаба! По ней можно с закрытыми глазами ехать, не споткнёшься. Если, конечно, вас на ту дорогу пуస్తят.

3

Но Клима с Трофимом, конечно, пустили. Они показали овчинки, Клим что-то вполголоса сказал, старший на рогатке согласно кивнул, рогатку отодвинули, они проехали и, мало-помалу, поскакали всё быстрее и быстрее. День уже начал клониться с полудня. Дорога была ровная, свободная, а если кто вдруг и встречался на пути, то сам же, первый, не дожидаясь Климова окрика, берётся, то есть отступал в обочину, и Клим с Трофимом скакали дальше. Так они скоро доскакали до Дерюзина, там им подали сладких пирогов с красным вином, вино тоже было сладкое, Трофим с удовольствием выпил, пересел на сменного коня, они поскакали дальше...

И Трофим вдруг подумал, что это была кровь. Нет, тут же подумал, что за дурь, вино это, хмельное, сладкое... А всё равно было противно, он утёрся. Отдышался и надал, чтобы не сильно отставать от Клима, и ещё подумал о том, что зря они не заехали в Троицу и не причастились, потому что теперь, если вдруг что, как помирать – без покаяния, что ли?

А почему это вдруг помирать, сердито думал Трофим, вон сколько людей живёт в той Слободе, и им хоть бы хны, привыкли. Правда, раньше и в Москве было так. Но как только государь переселился в Слободу, так все сразу и отвыкли. Без него даже дышаться стало легче. А как он теперь приезжает в Москву, так все, как тараканы, по щелям. Все кто куда! Даже князь Михайло, до чего тёртый калач, и тот сразу скажется больным и сидит у себя во дворе, за ним придут по царскому велению, а он им говорит, что старый он уже, что ноги отнимаются, и его тогда под руки и с крыльца, и в сани, и в царю. А он из саней оглянется и мелко крестится. Так это князь Михайло, матёрый душегуб опричный, а про других и говорить не хочется, может, даже прудят под себя...

Вот это государь! И к нему ехать! И Трофим уже в несчётный раз за день перекрестился.

А Клим скакал себе, нахлёстывал коня и даже не оборачивался. Лишь за Стоговским ямом, когда дорога пошла лесом, Клим стал придерживать коня и то и дело поглядывать по сторонам. Но, как говорится, Господь миловал, Клим никого не высмотрел, и, мало-помалу, густым лесом, а солнце уже начало цепляться за деревья, они выехали к Каринскому полю, а там и к известной Каринской заставе.

То была застава так застава! Ворота там были толстенные, тесовые, с подъёмным мостом на цепях. Мост был опущен. При нём стояли стрельцы с бердышами и пищалями. А на мосту – псари с собаками на сворах. Собаки лаяли до хрипоты и рвались кинуться. Трофим на всякий случай придержал коня. Клим, заметив это, усмехнулся. Но, правда, тоже придержал.

Так они, шагом, и подъехали к заставе. Старший стрелец вышел на дорогу, поднял руку. Клим и Трофим остановились. Псари спустили собак. Собаки молча кинулись к коням. Кони стояли смирно. Привычные, подумал Трофим, невольно поджимая ноги, от собак повыше. Псари закричали, зафукали. Собаки, не очень охотно, но всё же развернулись и потрусили обратно.

– Чего вам здесь надо? – строго спросил старший из стрельцов.

Клим медленно сошёл с коня. Трофим сошёл следом. Клим достал свою овчинку и показал её в своей руке. Так же сделал и Трофим.

– Ты кто такой? – спросил у него старший.

Трофим посмотрел на Клима. Клим за него ответил:

– Он со мной.

Старший полез за пазуху, достал небольшую грамотку, глянул в неё, а после на Трофима. После подошёл к нему, немного приподнял у него шапку, согласно кивнул и отступил на шаг. А Трофима как будто огнём обожгло! Ох, только и подумал он, неужели всё сначала? Да ведь то дело было кончено – совсем!..

Но старший стрелец уже сказал:

– Ладно, ладно! Некогда ворон считать. А ну!

Им сразу подали вина и по куску пирога. Пирог был как пирог, с грибами, а вот вино опять было как кровь – и красное, и тёплое, но почему-то с перцем. Зачем это, думал Трофим, может, для того, чтоб дух отбить, чтобы не узнали, что это такое?

– Чего не пьёшь?! – строго спросил у него старший. – Государево вино не в радость?!

Трофим разом допил вино и начал поспешно доедать пирог, чтобы перебить кровищу. А Клим вино пил с удовольствием. А допив и отдав кубок, утёрся и вполголоса спросил, как идёт дело.

– Никак не идёт, – нехотя ответил старший. – Наверное, вас ждёт, – и недобро усмехнулся.

У Трофима заняло под сердцем.

Но тут им подвели свежих коней. Кони были сытые, горячие. Трофим сразу вспомнил досужие слухи о том, что коней в Слободе кормят мясом. Или не досужие? Всё может быть. Клим сказал садиться, и Трофим полез в седло. Конь стоял смирно, не брыкал. Псаря, освободив путь, развели собак к обочинам. Клим и Трофим поехали. Дорога была ровная, кони несли мягко, но всё равно сидеть было уже невмочь. Отбил до смерти, думал Трофим, но помалкивал. Клим тоже ничего не говорил и правил уже не так быстро, а даже просто медленно. До Слободы, думал Трофим, осталось всего три версты. Вокруг, на обе стороны, раскинулись луга. Трава на лугах стояла серая, пожухлая. Солнце ушло в тучи. Начало темнеть. Подул ветер, пошёл мелкий, колючий снег. Трофим начал мёрзнуть, его стало колотить. Или это, может, не от холода? И он повернулся к Климу. Вид у Клима был не очень-то весёлый. Трофим не удержался и спросил:

– Что это за дело там такое?

– Дело как дело, – нехотя ответил Клим.

Трофим смотрел на Клима и молчал. Клим посмотрел вперёд, на Слободу, уже была видна городская стена, а дальше за ней колокольни, и сказал:

– Недолго уже ждать осталось. Они тебе там сами всё расскажут.

Трофим тоже посмотрел на Слободу. Смеркалось. Ветер дул ещё сильнее, опять начал сыпать мелкий снег. До Слободы было уже с версту, не больше. Очень недоброе у них там что-то приключилось, с тоской подумал Трофим, и не где-нибудь, а в государевых палатах, иначе чего бы Клим молчал, убили там кого-то, или отравили, или сглазили, или... Да мало ли! И непростого кого-то! А теперь всё это на Трофима! Трофим, разведи нашу беду, а не разведёшь – на кол посадим. И ведь посадят, ироды. Подумав так, Трофим не удержался и сказал:

– Святой Никола! – и перекрестился.

– Эх! – насмешливо воскликнул Клим. – Нашёл заступника! Да тут...

И замолчал. Так до самой Слободы и не обменялись ни единым словом.

4

Город Александрова Слобода в ту осень был ещё многолюдный, богатый. Ведь это же сколько народу надо было там держать, чтобы его хватило на службу тамошнего Большого государева дворца! А царь Иван Васильевич умел пожить! Умел и его бывший опричный, а теперь просто ближний государев двор. И два полка стрельцов умели, и три сотни псарей, сотня сокольников, три сотни конюхов, четыре сотни сторожей, полсотни рынд, не говоря уже о хлебниках, постельниках, скатерниках, истопниках, ясельничих, воскобойниках, комнатных бабах, портомоях, кухарях, кровопусках, сурначах, сытниках, ключниках, дровниках, шутах, казначеях, карлицах и прочей челяди. Вот почему посад вокруг тамошнего Александровского кремля был ничуть не меньше московского.

Так же и городские, так называемые Московские ворота, издалека смотрелись очень грозно, хоть они и были деревянные. Когда Клим и Трофим к ним подъехали, ворота ещё не были закрыты на ночь и мост не поднят. На мосту стояли сытые воротники в дорогих красных шубных кафтанах. Это были стрельцы так называемого Государева полка. Подъехав к ним, Клим и Трофим спешили, главный стрелец строго потребовал овчинки, или «память», как он их назвал, и внимательно их рассмотрел, а Трофимову даже попробовал ногтем. И только после этого, отступив в сторону, строгим голосом велел беречь коней.

Это означало, что дальше верхом ехать нельзя. Клим и Трофим, не садясь на коней, повели их в поводу. Шли они по главной в Слободе Стрелецкой улице, на которой жили и вели своё хозяйство стрельцы Государева полка. Эта улица была широкая, мощёная, дворы на ней стояли все как на подбор богатые, ограды высоченные. Сытно им живётся при царе, думал Трофим. Вот только, думал, никого нигде не видно почему-то.

И Александровский кремль, когда они к нему приблизились, тоже стоял как вымерший. Он в ту осень был ещё такой: стены деревянные, для верности обложенные кирпичом, а вот единственные в кремль ворота были целиком из кирпича. Сверху на них, на раскате, стояли две пушки. Ворота были закрыты, мост поднят, во рву чернела вода. В небе было очень сумрачно. Клим и Трофим остановились, Клим снял шапку, Трофим тоже. Клим махнул шапкой снизу вверх, а после как-то хитро в бок. Мост заскрипел и начал опускаться. Затем раскрылись и ворота. Клим и Трофим, ведя коней в поводу, перешли через мост. На той стороне, за мостом, их уже поджидали воротники. Они были в белых кафтанах. Белохребетники, как их все называли, стрельцы первой сотни Государева полка. Старший воротник грозно спросил, кто это лезет, кому здесь что надо?

– Мы московские, – ответил Клим. – Дядя позвал приехать.

– А! – уже не так грозно сказал старший воротник. – Долго же вас носило, ироды. Дядя уже, может, почивает. Ну да ладно!

И повернувшись к своим, поманил их рукой. Белохребетники тут же обступили Трофима и Клима и стали их обыскивать. Трофим сам отдал им ножи – один с пояса, второй из-за голенища.

– Игнат! – окликнул старший воротник.

Один из стрельцов, это, наверное, и был Игнат, выступил вперёд, махнул рукой и пошёл по дорожке к дворцу. Клим и Трофим пошли за ним. Трофим смотрел по сторонам и думал, что за последние пять лет тут ничего не изменилось. Впереди стоял царский дворец, здоровый, как гора, и чёрный-пречёрный, потому что ни одно окно в нём не светило, все они были закрыты ставнями. И крыша была чёрная. Ну да она и днём такая же, потому что крыта чёрной черепицей. Черепица дорогушная, немецкая, лаком натёртая. А когда-то, говорили старики, крыша была просто золочёная, и днём и ночью сверкала – днём от солнца, ночью от луны. И сколько здесь народу всегда было! А теперь, как на погосте, тихо.

Только Трофим так подумал, как тут же одиноко брякнул колокол. Игнат, шедший впереди, перекрестился. Колокол ещё раз брякнул. Трофим поморщился. Чернота какая, Господи, подумал он, да здесь всегда черно, здесь и летом трава никогда не растёт.

А колокол ещё раз брякнул, и Трофим почти уверенно подумал, что это царь преставился, вот его и отпевают. И опять подумал: Господи, в таком недобром месте мёртвого царя увижу! Трофим был уверен, что его сейчас ведут прямо к царю, вот и Золотое крыльцо, уже почти рядом, и на нём рынды в золотых шубных кафтанах. Никогда Трофима туда не водили, а всегда вели направо, мимо Красного царицына крыльца, и дальше, а там за угол, пройти ещё немного – и будет дворское Железное крыльцо, там сразу на второй этаж...

Но Игнат свернул налево, и они пошли в совсем другую сторону, куда Трофим никогда не ходил. Он только слышал от других, что там, за углом, есть ещё одно, так называемое Медное крыльцо, ведущее в царевичевы палаты. А колокол ещё раз брякнул. Э, так вот оно что, с неохотой подумал Трофим, это царевича убили. Да как же так?! И кто это его? За что?

Колокол ещё раз брякнул. Игнат велел смотреть под ноги. Тропка и в самом деле была вся разбита, сапоги так и скользили. Сколько же здесь народу за сегодня побывало, сердито подумал Трофим, и что теперь найдёшь? Всё затоптали, олухи!

Пока он так думал, они повернули за угол и увидели то крыльцо. Оно и в самом деле было всё обито медью и было высокое, выше царицына, и даже выше дворского, но, конечно, ниже Золотого царского. На Медном крыльце стояли рынды в посеребрённых шубных кафтанах. Над крыльцом горел светец, но свету от него было немного. Игнат подошёл к крыльцу и остановился. Клим и Трофим остановились рядом с ним. Рынды на них и не посмотрели. Колокол ещё раз брякнул. Трофим вздохнул и подумал, что у царя два сына, и если убили младшего, то царь не будет сильно горевать. А вот если, не приведи Господь, убили старшего...

Наверху рынды раздались в стороны, и на крыльце показался – Трофим его разу узнал – Бориска Годунов, из молодых бояр, конюший царевича Фёдора, младшего. А, вот как, подумал Трофим и даже невольно хмыкнул, вот по кому колокол – по Фёдору! Но тут же спохватился: грех какой думать на Фёдора! Но зато думать на Ивана – это ещё грешней, ибо сколько тогда будет крови, нынче и не представить! Да царь Иван за любимого сына...

Но дальше Трофим подумать не успел, потому что боярин Борис Годунов, сопляк этот, ещё в прошлом году какой тихоня был, а тут вдруг вон как важно выступает и смотрит зверем!..

Клим и Трофим сняли шапки и поклонились великим обычаем, потом распрямились, по-прежнему не надевая шапок. Боярин поднял руку и грозно отщёлкнул пальцем. Клим сразу отступил к Игнату. Теперь уже один Трофим стоял перед крыльцом. Боярин его поманил – тем же пальцем. Трофим пошёл вверх по ступенькам. Рынды стояли неподвижно, истуканами. Трофим подошёл к боярину и поклонился ещё раз.

– Кто таков? – спросил боярин.

Трофим назвал себя.

– Тот самый? Меченый? – опять спросил боярин.

Трофим повернул голову. Боярин глянул ему на ухо, усмехнулся и сказал:

– Тот самый! – развернулся и велел: – Иди за мной.

И пошёл обратно, во дворец. Трофим пошёл за ним. В сенях их ждали двое стрельцов с бердышами. Они сразу отёрли Трофима от боярина и повели его за ним почти как злодея. Трофим хотел перекреститься, но подумал, что лучше пока не надо лишний раз махать руками. И так он и шёл, не крестясь, и думал, что это недобрый знак, да и что может в Слободе быть доброго?!

5

Из сеней они прошли до рундука и там поднялись вверх, потом свернули два раза туда и три раза сюда, опять поднимались и спускались, развернулись и пошли обратно. Трофим гнул пальцы, считал повороты, но вскоре сбился со счёта и подумал, что всё равно один он отсюда не выйдет. А какая духотища здесь! А теснотища! В Москве намного просторнее. Зачем здесь так тесно строили? Самим же мучиться!..

Только он так подумал, Годунов остановился. Один из его стрельцов выступил вперёд и постучал в стену. На этот стук прямо в стене открылась небольшая потайная дверь. Стрелец отступил назад, пропуская вперёд Годунова. За Годуновым в дверь вошёл Трофим, а уже за ним стрельцы.

Палата, в которой они оказались, была совсем без окон. И ничего там не было, даже скамей вдоль стен. Была только одна скамья, очень широкая, на ней на одном краю стоял светец и светил в сторону, а на втором сидел, нога на ногу, некто очень важный, так как обут он был в дорожные персидские сапоги, одет в просторную, с парчовым верхом, шубу, а в руке он держал посох. А вот голова его была в тени, так что узнать сидящего было нельзя. Трофим всё равно поклонился. Тот человек отложил посох – и из палаты вышли, судя по шагам, стрельцы. Трофим ещё раз поклонился.

– Что, – насмешливо спросил тот человек, – почуял?!

Трофим вздрогнул. Он же сразу вспомнил этот голос, хоть уже давно его не слышал.

– Почуял, нет? – опять спросил тот человек.

– Почуял, боярин, – ответил Трофим.

– Врёшь! – зло сказал тот человек. – Я не боярин! А сам знаешь, кто!

И весь подался вперёд, лицо его вышло из тени. И Трофим с тоской подумал, что он не ошибся – это и в самом деле был Зюзин Василий Григорьевич, первый дворовый воевода, зверь зверем, которого, как говорят, сам Малюта Скуратов побаивался. И не зря! Малюта давно землю парит, а Зюзина и чёрт не взял. И все бояре перед ним шапки ломают – вот как! Трофим тяжело вздохнул...

А Зюзин усмехнулся и сказал:

– Вот, теперь вижу, что вспомнил. И я тебя, Трофимка, тоже вспомнил. Давненько мы с тобой не виделись. Ну да теперь свидимся.

Тут он недобро гыгыкнул и посмотрел на Годунова. Годунов услужливо подгыкнул. Робеет, собака, подумал Трофим. Ну так есть, перед кем робеть. Что Годунов! Зюзин и не таких на плаху кладывал и на кол саживал. Зюзин...

Но Трофим додумать не успел, потому что Зюзин опять начал:

– Чего ты, Трофимушка, трясешься? За тобой нет ничего. Пока что! Потому я и велел тебя позвать. И царь-государь сказал: зови его. Слышишь, Трофимушка? Царь! Про тебя, пса, помнит! Чуешь?

– Чую, – ответил Трофим.

– Дурень! – сердито сказал Зюзин.

Он спрыгнул с лавки, пошёл по палате. Зюзин был небольшого росточка, но головастый, плечистый, а руки у него были длинющие и очень крепкие. Огня не боялись! Трофим сам однажды видел, как Зюзин из огня ключи вытаскивал – голой рукой! И ничего ему с того. Обтёр об шубу – и готово. Давно это было...

– Да! – сказал Зюзин. – Давно! А всё никак про это не забудешь?

Трофим опомнился. Зюзин стоял перед ним, усмехался. Трофим оробел, подумал: неужели он всё слышит?

А Зюзин сказал:

– Да! Мало нас из тех, кто там тогда был, до сей поры в живых осталось.

После махнул рукой, прошёл мимо Годунова как мимо столба, подпрыгнул, сел на лавку, посмотрел куда-то вверх и почти что нараспев сказал:

– Какие люди были! Иерои, прости, Господи. Да один Григорий Лукьянович чего стоил! А сшибла пуля. Пстрик! – он щёлкнул пальцем, – и готов!

– Пуля была заговорённая, – сказал Трофим.

– Ага! – сердито подхватил Зюзин. – Ну и что?! Ты думаешь, в меня заговорёнными не стреливали? Отправленных грибочков, думаешь, не подносили? Вот, Борис не даст соврать.

И он повернулся к Годунову. Годунов сразу стал белый, как стена, и молчал.

– Не дашь? – напомнил Зюзин. – Что молчишь?

– Не дам, – ответил Годунов.

– Вот и славно, – сказал Зюзин. – Ну да это что! Кто мы такие? Дерьмо мы собачье, Трофим. А вот тут беда какая... – помолчал, добавил: – Великая беда, Трофим! – И тут же спросил: – Не говорили тебе?

– Нет.

– А я скажу. Царевич помирает, вот как! А знаешь, почему?

Трофим ничего не ответил. Смотрел Зюзину прямо в глаза и молчал. И даже думать боялся, а просто стоял – и всё. И ещё зубы стиснул, да так, что желваки заныли. Зюзин сердито хмыкнул, повернулся к Годунову и велел:

– Борис!

Годунов откашлялся и начал говорить без всякой охоты:

– Тут, знаешь, такое приключилось. Государь царевич Иоанн Иоаннович при смерти. Убить его хотели злые люди. Чуть жив царевич, вот как. Дай Бог царевичу выжить... – и начал креститься.

– Борис! – строго напомнил Зюзин.

Годунов поморгал и продолжил:

– Это два дня тому назад стряслось. У нас здесь, на царской половине, в покойной палате. Они туда почти что каждый день хаживают. Им там столик ставят, яства всякие. И вот так же и тогда они туда зашли, царь и царевич, и закрылись. А на дверях рынды, никого к ним не пускают. Потом истопник туда зашёл, Савва, он давно здесь служит, ему можно, его пропустили. Но только он туда зашёл и дверь за собою закрыл, как вдруг, отче наш не прочитать, так скоро, он оттуда вдруг выскочил и как закричит: «Царевича убили! Царевича убили!» И в дверь выбежал! И побежал! Рынды – один за ним, второй туда, в покойную... И видит: царевич Иоанн лежит, убитый, на ковре, голова в кровище. И царь с ним рядом, держит его и приговаривает: «Иванушка, Иванушка». И это всё.

Годунов замолчал. Зюзин глянул на Трофима и спросил:

– Что скажешь?

Трофим не отвечал. Внутри всё оборвалось.

– Не молчи! – строго напомнил Зюзин.

Трофим вздохнул и сказал:

– Смотреть надо. А так сразу что!

– А что смотреть? – сердито спросил Зюзин. – Савва и так всё рассказал! И побожился! Он своими глазами всё видел. Он, говорит, вошёл тихонько, дабы не мешать, а царь и царевич возле столика стоят. Стоят смирно. Так же и Савва вошёл, дровишки на пол положил, и только стал печурку открывать... Как вдруг видит: кто-то из дальнего, тёмного угла, как выскочит! К царевичу! Бух ему в голову! И отскочил! И опять в темноту! Царевич упал и лежит. И кровища из него, кровища! Царь к нему! А Савва как перепугался! Ну ещё бы! И как заорёт: «Царевича убили! Царевича убили!» И в дверь! И по дворцу бежит, орёт! Чуть его перехватили. А вот если бы он, дурень, не бежал, а за тем злодеем кинулся, так и взяли бы его, тогда же, и тебя

из Москвы не тащили бы. А так пропал тот злодей. Как сквозь землю провалился! Никто из покойной, говорят, не выбегал. Вот где загадка!

Трофим помолчал и сказал:

– Это через эту дверь не выбегал. А через другую?

– Другой двери там нет.

– А что окно?

– Окно на зиму закладено.

– А через печь, через трубу никто не вылезал?

– Смотрели. Не было там никого. Сажа ровненько лежит, нетронутая. А если бы кто вылезал, след бы остался. Да и не влезть туда. Очень тесно там, на кирпич, может, больше сложено. Как влезть в такое?

Трофим подумал и спросил:

– А если какой карла?

– Карле тоже не пролезть. Совали мы карлу.

Трофим опять задумался. Потом сказал:

– А если сбредал ваш истопник и никого там не было?

– И что тогда? – настороженно спросил Зюзин.

Трофим задумался. Но ни о чём на этот раз не думалось. А вот зато всего заколотило! Зюзин опять заговорил:

– Оттуда только одна дверь – в сени. А там всегда рынды. Нет, говорят, никто из чужих не заходил, не выходил. Были только царь с царевичем. После зашёл Савва с дровами. Дрова все были на месте, кучкой... Савва выскочил и заорал. Его едва уняли.

– Так, – задумчиво сказал Трофим. – А что царевич говорит?

Зюзин посмотрел на Годунова. Годунов сказал:

– Государь-царевич ничего не отвечает. У государя-царевича жар.

– А... – начал было Трофим, но испугался и умолк.

– Вот то-то и оно! – сказал Зюзин. – Конечно!

Трофим молчал. Зюзин, тоже помолчав, продолжил:

– Ты только не умничай. Умников у нас и без тебя хватает. Да у тебя же голова, я знаю, и она не соломой набита. Я же помню, как ты тогда нам пособил, того матёрого зверя зарезал. Вот и сейчас пособил бы. Да и чего тут пособлять, когда дело и так решённое? Я ещё раз говорю: он, как бес, вдруг ниоткуда выскочил, подскочил к царевичу, цах-цах его в висок – и отскочил, и сгинул. А царевич, как сноп, на пол.

– Чем он его так? – спросил Трофим.

– Бес его знает, – неохотно сказал Зюзин. – Кистенём, из рукава, я думаю. Полголовы разбил! Царевич третий день лежит, шелохнуться не может. Лекарь робеет, говорит, как бы ему хуже не стало, как бы кровь не загорелась.

Трофим вздохнул. Зюзин очень сердито сказал:

– Чего развдыхался?! Дело решённое, дурень! Никуда тот бес от нас не выскочит. Он где-то здесь, во дворце, хоронится. Мы же сразу перекрыли тогда всё! Нужно только хорошенько поискать. Ну, так ищи! Найдёшь, будет тебе награда, а не найдёшь, сядешь на кол.

– Да как это?! – затравленно сказал Трофим. – За что?!

– За то, что царевича извёл.

– Как это я извёл? – спросил, аж захрипел Трофим. – Я же тогда был в Москве!

– Не был, а таился! – со злостью сказал Зюзин. – Скажешь, и ещё как скажешь, что убил! На дыбе всё скажешь. Поэтому не доводи ты меня до греха, а лучше ищи как следует. Чем скорей сыщешь, тем больше будет награда. А пока не заминай меня! У меня и без тебя забот хватает! – Тут он повернулся и позвал: – Борис!

Годунов шагнул вперёд. Зюзин сказал ему:

– Забирай от меня этого! – и он указал на Трофима. – Веди! Там ждать не любят! А у меня и без вас дел навалом.

И тут же, будто в подтверждение его словам, раздался стук в стену с другой стороны.

– О! – сказал Зюзин. – Слышите? Ко мне пришли уже. А вы идите!

Годунов повернулся к Трофиму, кивнул, и они пошли от Зюзина.

6

Трофим, как только они вышли, сразу же перекрестился. Годунов на это только хмыкнул и велел идти за ним. Трофим спросил, куда они теперь? Но Годунов и не подумал отвечать, а развернулся и пошёл. Трофим пошёл за ним. А перед ними шёл стрелец со светом. Второй стрелец, тоже со светом, шёл следом за Трофимом.

И опять они то поднимались вверх по лестницам, то опускались вниз и поворачивали то в одну, то в другую сторону. Трофим уже ничего не считал, пальцев не загибал, на тесноту и духоту не злился, а просто шёл себе, как старый конь на живодёрню, да время от времени невесело вздыхал. Никто им на пути не встречался, только сторожа на рундуках да сторожа возле иных дверей. А при одних дверях стояли даже рынды. Годунов, проходя мимо них, громко хмыкнул. Рынды вздрогнули.

И ещё вот что: нигде никто, то есть никакие сторожа, ничего у них не спрашивали, ни, тем более, не останавливали их. Но и шапки не очень-то ломали, а так, больше с ленцой, и Годунов им не пенял за это.

Так они шли довольно долго, а потом вдруг вошли в небольшие, но зато очень богатые сени, и там при дверях стояли сразу восемь рынд – все в золочёных кафтанах и с золочёными же бердышами. Царица Небесная, мелькнуло у Трофима в голове, не выдай! Он поднял руку и утёр лоб. Лоб был в поту и горел, сердце колотилось, ноги стали подгибаться...

– Но-но-но! – тихо, но строго сказал Годунов. – Ещё чего?!

Трофим встряхнулся, осмотрелся. Рынды при дверях стояли неподвижно. Годунов снял шапку. Какой-то человек, тоже без шапки, но в богатой шубе, отделился от стены, поклонился Годунову и сказал:

– Боярин! Скажи про меня. Я здесь со вчерашнего утра, боярин. А мне ехать надо!

– Всем надо, – сказал Годунов и повернулся к двери.

– Боярин! – повторил тот, в шубе. – Мне в Псков! К королю!

– Король не в Пскове, наши в Пскове! Чего мелешь?! – сердито сказал Годунов, стараясь говорить негромко.

– Глуп я, боярин! Дурь сморозил! – не унимался тот, в шубе. – Меня государь призвал! У меня вот, боярин! – и он показал свёрнутую в рульку грамоту. – В Псков надо отвезти! Немедля!

Годунов хотел взять грамоту. Тот, в шубе, не дался, отступил.

– Ты чего это? – яро, но шёпотом воскликнул Годунов.

– Не смею! – сказал тот испуганно.

– Ой, Сёмка! – сказал Годунов. – Не балуй! – и снова потянулся к грамоте.

Сёмка (Семён Ададунов, царёв посланник в Псков) убрал грамоту за спину и виноватым голосом сказал:

– Государь велел, чтоб никому!

– Ну, тогда жди, покуда государь... – начал было Годунов, но не закончил, обернулся к Трофиму, сделал ему знак не отставать и первым пошёл к двери.

Трофим пошёл за Годуновым. Рынды перед ними расступились.

Там, куда они вошли, было почти совсем темно, горела только одна свеча, но и ту поставили за занавеску. И за той же занавеской виднелась чья-то тень. Годунов негромко кашлянул в кулак. Тень задвигалась. Потом из-за занавески вышел молодой боярин, держа в руках шапку. Вид у боярина был перепуганный. Трофим присмотрелся и узнал – это был Богдашка Бельский, царёв оружничий.

– Ну что? – тихо спросил Годунов.

Бельский пожал плечами.

– Кто там ещё?

– Софрон.

Годунов кивнул. Бельский глянул на Трофима, сразу стал очень сердитым, и так же сердито спросил:

– Кто это?

– Из Москвы, – ответил Годунов. – Тот самый.

– А! – недовольно сказал Бельский. – Да только теперь надо ли?!

– Испытать надо, – сказал Годунов.

– Ну, испытай, – сказал Бельский. – А я посмотрю!

И он даже хмыкнул. Трофима опять пробил пот, руки задрожали. Годунов взял Трофима за руку. У Годунова рука не дрожала. Она была холодная и потная. Годунов повёл Трофима за собой.

Они зашли за занавеску. Там, на мягкой короткой скамье с подлокотниками, сидел царь Иван Васильевич – без шапки, босой и в домашнем татарском халате. Халат был дорогой, парчовый. Царь был как будто неживой – не шевелился. И глаза у него не моргали. Глаза смотрели в одно место, куда-то поверх Трофимова плеча. Потом глаза немного повернулись и стали смотреть прямо на Трофима. Трофим начал задыхаться, ему стало нечем дышать. Царь пошевелил губами.

– Назовись! – тихо сказал Годунов, стоявший рядом.

– Государь царь батюшка, – дрожащим голосом сказал Трофим. – Вели казнить! Не гневайся!

Царь медленно моргнул. У Трофима ноги стали подгибаться, он опустился на колени.

– Назовись! – повторил Годунов ещё тише.

– Раб твой, – сказал Трофим, – Трофимка я, Пыжов, стряпчий. Князя Михаила человек. Князя Лобанова-Ростовского.

Царь недовольно поморщился.

– Глуп он! – поспешно сказал Годунов. – Он, государь, как только тебя увидел, сразу ума лишился. Так ведь, Софрон?

– Так, так! – сразу послышалось в ответ.

Трофим повернулся на голос и увидел, что возле царской лавки сидит на полу древний старик в белой длинной рубахе. Старик был совсем седой, длиннобородый, костлявый. Старик этот, Софрон, смотрел на Трофима строго, испытующе. Трофиму стало боязно. Вдруг Годунов опять заговорил:

– Беда у нас великая, царь-государь. Но мы эту беду развеем. Сыщем мы злодея, государь, не сомневайся. Трофимка сыщет. Как и того тогда сыскал, так сейчас сыщет и этого. Сыщешь?

Трофим кивнул – сыщу!

– Сегодня же?

Трофим кивнул – сегодня же!

– Побожись!

Трофим перекрестился.

– А не сыщешь – на кол!

Трофим широко кивнул, что на кол.

– Встань!

Трофим встал.

– Вот, государь, – продолжил Годунов, – Трофимка взялся и Трофимка сыщет, не кручинься. И государь-царевич тебе шлёт поклон. Бью, говорит, челом за батюшку, не хворай. Батюшка царь-государь, я, говорит, твой сын любимый, Ивашка-царевич, пёс твой...

Царь вдруг резко поморщился. Годунов сразу замолчал. Царь открыл рот и что-то прошипел.

– Что? – тихо спросил Годунов.

– Вон! – громко сказал Софрон. – Пошли вон, псы смердячие! Вот что государь велел!

И Годунов с Трофимом сразу вышли.

7

В сенях они остановились. Сзади них стояли рынды, а впереди, возле входной двери, Богдашка Бельский, вор, царёв оружничий. Годунов, не глядя на него, вполголоса спросил:

– Ну что?

Что, что, хотелось ответить Трофиму, на кол меня подсаживаешь, вот что! Или я, думаешь, не понимаю, что у вас тут сотворилось?! Но Трофим ничего не сказал, а только отвернулся в сторону.

Годунов строго напомнил:

– Царь-государь тебя благословил, скотина, а ты рожу воротишь. Надо начинать!

– Что начинать? – спросил Трофим. – Уже глухая ночь, боярин.

– Может, и ночь, а государь не спит, – ещё строже сказал Годунов. – А как тогда нам спать? Да и у Ефрема уже всё готово. И это близко, прямо здесь, под нами. Начинай розыск! Любого, кого надо, выдернем. Мигом!

– Нет, – твёрдо сказал Трофим. – Я так не ищу. Я должен сам всё посмотреть, после подумать, а уже только после к Ефрему.

– А, – сказал Годунов, – так ты что, сперва хочешь сходить в ту палату, в которой вся это беда стряслась?

– Хочу, – ответил Трофим, обернулся и увидел – Бельский усмехается.

Трофим нахмурился. Бельский подошёл к ним и сказал, глядя на Годунова:

– Я говорил тебе. А ты: знаю, знаю!

Годунов молчал. Потом, повернувшись к Трофиму, сказал:

– Ладно, сведём мы тебя в ту палату. Прямо сейчас.

– Это дело доброе, – сказал Трофим, – но сперва надо сходить к царевичу и снять с него расспрос.

– Что?! – сразу даже не поверил Годунов. – Ты хоть понимаешь, пёс, о чём ты просишь?! Да государь-царевич чуть живой остался, чуть не помер. А от тебя сразу помрёт. И тогда мы на колесо тебя! Ты это понимаешь, пёс?

– Понимаю, – ответил Трофим. – Но у нас в Приказе так заведено – сперва расспрос. И я только так могу. А колесо, так колесо. На всё Божья воля.

А сам подумал: мне с вами и так оно будет. Годунов посмотрел на Трофима, на Бельского...

Бельский усмехнулся и сказал:

– Я говорил тебе!

Годунов ещё подумал и сказал:

– Ладно. Будет тебе царевич, пёс. И будет колесо, попомни моё слово. А пока пойдём.

И они пошли. Теперь с ними шёл только один стрелец со светом, а второго Годунов сразу послал вперёд, наверное, предупредить о том, что они скоро придут.

Они и в самом деле шли к царевичу, к медному царевичеву крыльцу. Трофим узнавал повороты, сторожей на них и думал, что за неделю-другую он здесь совсем бы освоился и ходил бы с закрытыми глазами, как ходит ночью по кремлю в Москве.

Но только кто ему даст столько времени, думал Трофим. Этим же что нужно? Скорей казнить злодея, вот и всё. А кто злодей? Да тот, кто первым в этом сознается. А сознается, чего душой кривить, любой, когда его вздёрнут на виску да влепят кнута, а после горящим веником его, а после на спицы – и кто это такое стерпит? Да никто! И станет говорить всё, что велют. Но, опять же, если взяли одного, а не кого-нибудь другого, то, может, так и надо, Господь не зря такое допустил, а если это так...

Но дальше Трофим подумать не успел, потому что они опять пришли к тем самым рындам, на которых Годунов похмыкивал, когда они шли к царю. А теперь, когда они вернулись, возле них стоял стрелец со светом. Годунов, остановившись, глянул на стрельца. Стрелец утвердительно кивнул. Годунов взял Трофима за руку и повёл к двери. Рука у Трофима уже не дрожала. Рука Годунова была липкая. Рынды расступились и открыли дверь. Годунов вошёл, ведя за собой Трофима.

За дверью оказались маленькие сенцы. В них, в углу, возле напольного креста, на коленях стояли два монаха и молились. В следующих дверях тоже стояли рынды. Из-за них, из раскрытой двери, тянуло дурманным духом. Годунов остановил Трофима и дальше, в ту дверь пошёл уже один. Трофим стоял и робел озираться. В сенцах было сумрачно. Трофим начал молиться – прочёл Отче наш. Потом Богородицу. А после опять Отче наш, потому что ничего другого не мог вспомнить. Когда прочёл, начал сначала. Так он читал и читал Отче наш, и прочёл раз десять или даже больше, пока не вернулся Годунов, наклонился к самому уху и очень тихо сказал:

– Если вдруг что, сразу убью. Пойдёшь?

Пойду – кивнул Трофим. Годунов пошёл обратно. Трофим за ним.

За дверью оказалась маленькая горенка, даже почти чулан без окон, там было темно и душно, от дурманящего запаха душистых трав голова шла кругом. Посреди горенки стоял высокий тощий человек, одетый на иноземный лад, и заслонял собой свет. Дальше, на свету, была видна лежанка, очень простая на вид, и на ней, плотно укрытый, лежал кто-то, но лица его Трофим не видел.

– Вот, привёл, – сказал Годунов иноземцу, кладя Трофиму руку на плечо. – Я его предупреждал, но он упёрся.

Иноземец ничего на это не ответил, а только сверкнул глазами. Колдун, сразу подумал Трофим. Иноземец ещё раз сверкнул, а но всё же отступил немного в сторону. Трофим увидел царевича. Царевич лежал на спине. Лицо у него было очень худое, бледное, но чистое. Глаза закрыты. Царевич лежал как мёртвый.

– Что тебе ещё? – сердито спросил колдун-иноземец.

Трофим принахался, сказал вполголоса:

– Анис. Шалфей. Солодка. Проскурник. А это жжёное что?

– Это не жжёное, – сказал колдун, – это водка прогорелая. На змеином сале.

– Какая змея?

– Эфиопский аспид.

– Ладно, – сказал Трофим. – Аспид так аспид.

И, мимо колдуна, быстро шагнул к царевичу. И только теперь, сверху, он увидел, что со второй стороны, с левой, вся щека у царевича была рассечена и замазана чем-то блестящим. Так же и висок был весь рассечён и в крови, уже запёкшейся.

– Стой! – тихо сказал колдун.

Но Трофим его не слушал, а наклонился над царевичем и шёпотом велел:

– Огня!

Колдун даже не шелохнулся. Годунов дал Трофиму огня – щепку лучины. Трофим осветил рану. Рана была гадкая, нечистая.

– Углями надо было прижигать! – строго прошептал Трофим. – Куда смотрел, колдун?!

– Любезный! – сердито зашептал колдун. – Я бы попросил тебя не умничать, ибо нет ничего проще, чем...

И тут он резко замолчал. А Трофим аж отшатнулся! Царевич открыл глаза и начал медленно водить ими по сторонам. Взгляд у него был настороженный...

И успокоился только тогда, когда увидел Годунова. Тот заулыбался, сказал:

– Батюшка-царевич, это я, раб твой Бориска. Мы тебя вылечим, батюшка. Ещё будешь соколом летать, басурманам головы рубить, красных девок портить...

Царевич поморщился, облизал губы.

– Водицы? – спросил Годунов.

Царевич молчал. Колдун выступил вперёд и положил царевичу на лоб тряпицу.

– Что это? – строго спросил Трофим.

– Двойная водка, от жара, – ответил колдун.

Трофим одобрительно кивнул. Царевич начал смотреть на Трофима. Смотрел долго, потом улыбнулся. Трофим раньше никогда царевича так близко не видел. И Трофим спросил:

– Кто тебя так?

Царевич не ответил, но и глаз не отводил.

– Ты его видел? – продолжал Трофим.

Нет, показал глазами царевич.

– Сзади били?

Царевич моргнул – сзади. Врёшь, сердито подумал Трофим, били спереди, правой рукой!

А вслух только сказал:

– Ой ли?!

Глаза у царевича задёргались, потом остановились, стали злыми.

– Довольно! – воскликнул колдун. – Уходите!

– Сейчас, сейчас! – сказал Трофим, опять наклоняясь над царевичем, провёл рукой над раной, два раза туда-сюда, убрал руку, распрямился и сказал:

– Железом били.

– Шарлатан! – сказал колдун.

Трофим ухмыльнулся. Царевич уже успокоился и снова смотрел только на него. Колдун сказал:

– Про железо – это ложь. Этого нельзя определить.

– Можно! – возразил Трофим. – Деревяшкой так не рассечёшь. Голову проломишь – да, а рассечь – нет, не рассечёшь. А тут били с правой, наотмашь!

– Чернокнижник! – воскликнул колдун.

Трофим в ответ только пожал плечами. Царевич открыл рот и попытался говорить. Колдун кинулся к царевичу и начал утирать ему губы мочалом. Мочало было мокрое, губы у царевича блестели.

– Пошли вон! – строго сказал колдун. – Своих голов не жаль, так пощадили бы мою.

Годунов взял Трофима за рукав и поволок вон от царевича. Трофим особо не упирался, ему и так все было ясно.

8

В сенях Годунов остановился и отпустил Трофима. Трофим поднял руку, утёр лоб, но лоб и так был сухой, и признался:

– Жарища там. Думал, подохну.

Годунов хмыкнул и сказал:

– И по холодку подохнуть.

Трофим посмотрел на Годунова. Годунов, как ни в чём не бывало, спросил:

– Ну как, вызнал чего?

– Нет, ничего пока что, – ответил Трофим.

– А что про железо тогда говорил? И про правую руку?

– А что правая рука? И что железо? – с неудовольствием сказал Трофим. – Все бьют с правой руки, и все железом. Вот кабы с левой бил, тогда была бы зацепка, искали бы левшу. А так...

И Трофим замолчал. Да и о чём тут говорить? Правой рукой железным посохом царевичу в висок кто бил? Известно, кто. И известно, что это за посох. Но как об этом сказать? И как теперь идти кого искать, если и так всё уже найдено? А не пойдёшь искать, скажешь, что никого не нашёл, тебя сразу на кол. Но на кол, это ещё что! А вот если догадаются, что ты уже всё знаешь...

И тут Годунов как раз спросил:

– Ну что, пойдём посмотрим ту палату, где эта беда стряслась? Или тебе уже и так всё ясно?

– Нет! Откуда?! – поспешно ответил Трофим. – Надо идти, конечно! Надо на месте посмотреть.

И они пошли в сторону царской палаты. Трофим внимательно смотрел по сторонам и уже почти всегда угадывал, куда им поворачивать. Теперь, думал Трофим, если вдруг что, он и один уже не потеряется.

Прошли они не так и много и, не доходя ещё двух поворотов до царя, стали подниматься по широкой лестнице, потом почти сразу повернули и остановились возле небольшой двери. При ней стояли двое рынд.

– Это здесь, – сказал Трофиму Годунов. – Тут они всегда стоят. Но тогда были другие и было ещё не темно.

Трофим осмотрелся. Слева, в конце перехода, был виден рундук, при нём сторожа и свет на рундуке. А вот с правой стороны было совсем темно и ничего не видно. Трофим спросил, что там.

– Там поворот, – ответил Годунов. – А за ним тоже рундук и сторожа.

– А где истопничья?

– Там же. За рундуком почти сразу.

Трофим кивнул. Годунов велел войти. Они вошли в покойную, она так называлась. Палата была просторная, большая. На полу – ковры, на стенах – парсуны. В красном углу – высокая мягкая лавка, к ней ступеньки, рядом ещё одна мягкая лавка, но эта уже без ступенек. Вдоль стен тоже лавки, но жёсткие. А в самом дальнем от двери углу, напротив печи, небольшой низкий столик, покрытый широким немецким рушником, а возле него две лавочки – одна стояла ровно, а вторая лежала поваленная.

– Вон там, – сказал Годунов и показал на столик, – у них было накрыто. Но не тронута.

– А лавочка так и лежала?

– Да. А вот тут лежал царевич.

И Годунов показал на ковёр на полу. Стрелец посветил туда. Трофим увидел большое тёмное пятно.

– А государь вот тут лежал, – продолжил Годунов. – Он царевича вот так поддерживал.

– И что говорил?

– Ничего. Только головой вот так мотал. У него будто язык отнялся. Да он и сейчас ещё почти не говорит, ты сам же видел. А тогда... – И тут Годунов заговорил быстрее: – Я тогда здесь первым оказался! Я шёл мимо, вдруг слышу: кричат! Это Савва, истопник, кричал. Ну, я и побежал на крик. Прибегаю, а они лежат. В кровище!

Годунов громко вздохнул и замолчал. Трофим взял у стрельца огонь и начал им светить, рассматривать ковёр. Долго он его рассматривал! Туда-сюда похаживал, про себя считал шаги...

Потом остановился, отдал огонь, задумался. После спросил, не поднимая головы:

– А истопник чего?

– А истопник, – ответил Годунов, – сперва был сам не свой. Но после успокоили его, и он сказал, что некто вон из того дальнего угла вдруг выскочил и бац – царевича по голове! И убежал.

– Куда?

– Вот в том-то и беда! – сердито воскликнул Годунов. – Я, это Савва говорит, как это увидел, так и обмер. Царевич упал – и весь в кровище! Царь к нему. А он, это Савва, так он говорит, сразу в дверь и кричать: «Царевича убили! Царевича убили!» И побежал, и побежал, покуда его не схватили.

– А который убивал, он где?

– Савва говорит: не знаю, оробел.

– Здесь сколько дверей? – спросил Трофим.

– Одна.

– И Савва в неё выскочил?!

– В неё.

– И рынды его видели?!

– А как же.

– А того, другого?

– Нет. Никто, говорят, не выбегал. Один только Савва.

– Так, может, и не выбегал никто? – сказал Трофим.

– Как это? – строго спросил Годунов.

– А вот так, – сказал Трофим. – Не выбегал никто. Потому что кому выбегать? Никого там, может, не было. Может, это Савве только померещилось?

– А кто... это... тогда? – ещё строже сказал Годунов. – Их, если злодея не считать, только трое было: царевич, царь и Савва. – И вдруг быстро спросил: – Это Савва, что ли, на царевича тогда накинулся? А на злодея только говорит? Так было, да? Отвечай!

Трофим задумался. И тут же будто кто-то у него внутри сказал назойливо: «Скажи: Савва! Скажи: истопник! Савва на виске подтвердит, все подтверждают!» Трофим поморщился и даже отмахнулся. Если бы это был Савва, царевич разве промолчал бы? Нет, конечно. Сразу бы сказал. Да зачем это Савве? А...

Нет, подумал, оробев, Трофим, об этом и думать не смей. И он опять взял огонь, стал рассматривать кровь на ковре, потом наклонился ещё ниже, потрогал пальцами ковёр, там ворс был слипшийся, жёсткий, поднял ладонь, обнюхал пальцы и сказал:

– Железом пахнет.

– Каким железом? – спросил Годунов.

Каким, каким, хотел было сказать Трофим, обыкновенным, железным, да царским посохом, вот чем!..

Но удержался, прикусил губу. А Годунов опять спросил:

– Что? Может, кочергой?

– Ну, может быть, – растерянно сказал Трофим.

– Иван, – приказал Годунов. – А ну глянь там!

Один из стрельцов подошёл к печи, осмотрелся и сказал:

– Нет её здесь нигде.

– Как это нет?! – удивился Трофим.

И тоже подошёл к печи. За ним подошёл Годунов. Кочерги и в самом деле видно не было. Там были дрова, охапка, они валялись на полу. Это Савва их здесь выронил, когда увидел злодея, подумал Трофим. А вот совок с угольями. Вот помельцо. Но кочерга где? Как без кочерги топить?! Трофим шагнул вдоль печи...

И увидел! Кочерга стояла сразу за углом. Она была узорчатая, кованая, сразу видно, царская. Трофим наклонился к ней...

Но стрелец опередил его, взял кочергу и подал Годунову. Трофим посмотрел на Годунова. Годунов отдал ему кочергу. Трофим начал её осматривать...

И тихо охнул. Ещё бы! Кочерга была в запёкшейся крови, и там ещё был клочок волос налипших. Трофим глазам своим не верил. Потом подумал: вот тебе и посох! На кого помыслил! А тут кочерга! И это только Савва, больше некому. Только если её не подсунули.

Трофим посмотрел на Годунова. И увидел, что тот и сам смотрит во все глаза на кочергу. Потом Годунов, облизнувшись, сказал:

– Как это Савва вдруг?! Он что это?

Трофим молчал. Потом сказал:

– Ну, может, это и не Савва. А тот, который выскочил.

– Так ты же говорил: куда ему выскочить! Дверь же одна! Выскочил бы – видели!

– Это смотря кто выскакивал. И как! – важным голосом сказал Трофим. – А Савва вон где стоял! – И он указал на дрова. – Он вон оттуда вошёл, увидел царя с царевичем и, чтобы им не заминать, сюда наклонился... А тут этот вдруг как выскочит! И Савва дрова от страха выронил. Так было?! А?!

Годунов посмотрел на стрельцов. Стрельцы растерянно молчали. Годунов повернулся к Трофиму, сказал:

– Ты колдун! Савва так и говорил нам. Слово в слово.

Трофим усмехнулся.

– Ну, колдун не колдун, а свою службу знаю.

– Так что теперь? – спросил Годунов.

– А теперь так, – сказал Трофим. – Будем искать того, который выскочил. Но тут... – И он строго нахмурился. – Если же никто в дверь не выскакивал, в трубу не вылезал, в окно...

И Трофим посмотрел на окно. Окно было изнутри закрыто ставнями.

– А как оно было тогда? – спросил Трофим. – Тоже со ставнями?

Годунов подумал и сказал:

– Не помню.

– Вот! – подхватил Трофим. – Ещё и окно! И тут тоже нужен розыск. Особый! А что я сейчас ночью разыщу, в такую темнотищу?!

Годунов на это только головой мотнул, очень сердито, и спросил:

– Что ж теперь делать?

– Ждать утра, – сказал Трофим. – И сразу сюда, и в розыск. Савву сюда. И рынд, которые тогда стояли здесь, сюда. И сторожей с обоих рундуков тоже сюда. Да что и говорить, боярин. Утро вечера мудренее. Добрые дела при свете делаются. А пока что мне сейчас чего перекусить бы да прикорнуть хоть где. А утром, на свежую голову, я...

– Ладно! – сердито сказал Годунов. – Это можно. – Обернулся и окликнул: – Климка!

Раскрылась дверь и вошёл Клим, давешний Трофимов провожатый.

– Климка, – продолжил Годунов, – отведи его. И положи. А утром опять его сюда, чуть свет!

И посмотрел на Трофима. Тот поклонился Годунову и пошёл к двери.

– А кочерга?! – вдруг сказал Годунов.

Трофим остановился. К нему подошёл стрелец, Трофим отдал ему кочергу. Клим открыл дверь и отступил на шаг. Трофим вышел первым, Клим за ним.

9

Клим шёл впереди, молчал и ничего не объяснял. Да Трофим ни о чём и не спрашивал. Не до Клим а ему тогда было. Трофим думал о своём: о том, что вот же как бывает, вся беда от баб, потому что если бы не Гапка, не ночевал бы он дома. Да он и не думал ночевать! Приходил же Котька Вислый, говорил, айда, Трофим, со мной. Чего не пошёл? Пошёл бы, они сунулись, а Гапка бы сказала: его нет, где его черти носят, я не знаю, – и отстали бы они, взяли бы кого-нибудь другого, а Трофим бы с Вислым сейчас гулял бы у Демьянихи, а они здесь пусть бы хоть...

А вот и нет, тут же подумалось, не унялись бы они, а пошли бы искать дальше, и всю Москву бы на рога поставили, пока его не нашли, потому что только он им нужен, потому что опять, как тогда, когда царская кровь...

Ну и так далее. Вот примерно о чём тогда думал Трофим. Клим остановился и сказал, что они уже пришли. Открыл дверь и осветил.

Трофим вошёл. Это была очень тесная коморка. Даже стола там не было. Вместо него стояла лавка, а на ней кувшин.

– Квасу налить? – спросил Клим.

Трофим мотнул головой, что не надо.

– Может, поешь чего?

– Я не голодный, – ответил Трофим.

Клим пожал плечами, поставил свет на лавку, которая была вместо стола, а сам сел на ещё одну лавку, у стены. Трофим сел на другую, у другой стены. На ней уже было постелено – снизу сенник, сверху сшитые овчины, а в головах тюфяк. Трофим снял шубу, сунул шапку под тюфяк. Клим спросил, гасить ли свет.

– Как хочешь, – ответил Трофим. А после уже сам спросил: – А ты чего не ложишься?

– Мне, – сказал Клим, – не велено. Мне надо за тобой смотреть.

– Куда я денусь?

– Кабы это знать!

Трофим усмехнулся, не спеша снял сапоги, не спеша лёг, укрылся и сказал:

– Чудно у вас.

– Да уж! – отозвался Клим. – Куда чуднее. Человеку говоришь: «Поешь!», а он: «Нет, не хочу!» Боятся, что отравят.

И замолчал. Трофим закрыл глаза и громко хмыкнул. Клим сразу сказал:

– Смейся, смейся! Завтра будет не до смеху.

Трофим промолчал. И даже глаз не открыл. Но Клим всё равно спросил:

– Сколько тебе на розыск дали? Один день?

Трофим не ответил. Клим недобро хмыкнул и продолжил:

– Да я и так знаю: один. Зюзин говорил. И вот завтра вечером Зюзин опять придёт и спросит: «Как дела?!» А ты что ответишь? Опять будешь молчать? И что тебе за это будет? Дыба. А после за уши вот так возьмут, вот так крутанут – и голова долой.

Трофим невольно поморщился, потому что он видел, как это делается. И в самом деле есть такие мастера, которые могут за один раз оторвать голову. Трофим открыл глаза и посмотрел на Клим а. Клим усмехнулся и сказал:

– Вот так-то! Да ты не робей. До завтрашнего вечера ещё вон сколько! А что надо? Всего ничего! Назвать человека. Вот есть Савва, государев истопник...

– Зачем ему это?! – сердито спросил Трофим.

– Как зачем? А если попросил кто и отвалил задатку? А здесь задатки – это не у вас в Москве. Сколько тебе твой князь Михайло на дорогу дал?

Трофим молчал. Клим усмехнулся и сказал:

– Двадцать рублей, не больше. А у нас, да на такое дело, сразу сотню отвалили бы. А за царевича и того больше можно было попросить. И дали бы!

– Кто? – не стерпел Трофим.

– Ну, я не знаю, – сказал Клим. – Я не давал. Нет у меня ста рублей. А за других я не ответчик.

Тут Клим подался вперёд, дунул на огонь и загасил его. Подождал немного и продолжил, теперь уже чуть слышным голосом:

– Ежели старший царевич помрёт, кто у царя станет наследником? Младший, Федюня. А на ком младший женат? На Борисовой сестре. Смекаешь?

Трофим молчал. А чего тут, думал он, смекать, это и так ясно, и по закону: за Иваном наследует Фёдор. Ну а Фёдор, как все говорят, да это и так видно, слаб умом, а жена его, Ирина, цепкая, она Фёдора будет вот так держать, а Борис, её брат... Да, Годунов Борис, вчерашний выскочка, как говорили. Да только это не совсем так: кроме Бориса, молодого, ещё два старых Годунова сидят в Думе, дядья его, и кто против них тогда посмеет пикнуть?! Да и чего тут пикать? Может, Борис ни в чём не виноват, а просто свезло ему: царь ткнул в царевича – и прямо посохом в висок, посох железный, острый...

И Трофим зажмурился. Клим, было слышно, усмехнулся. Трофим подумал и сказал:

– А почему вдруг Фёдор самый младший? Царь же опять женился, взял себе молодую жену, чего бы ей тоже не родить?! И будет ещё один царевич...

– Га! – громко сказал Клим. И тут же опять чуть слышно зашептал: – Так это же ещё нужно родить! А от кого рожать? От этого? – И тут Клим опять усмехнулся. – Хотя тут помощники всегда найдутся. А молодая царица, как все говорят, на это очень охочая. Вот я и думаю...

Клим вдруг опять замолчал. Трофим прислушался. Было совсем тихо. Но Клим прошептал:

– Слышишь?

И опять затих. Трофим ничего не слышал, даже Климова дыханья.

Клим усмехнулся и продолжил:

– Показалось. Так вот. Может, это он устроил, а может, и не он. Чтобы про это знать наверняка, надо сперва дознаться, понесла царица или не понесла. Если понесла, это, руби мне голову, Борис не виноват. Ему же тогда это будет ни к чему, если уже есть ещё один царевич. Но если ещё не понесла... Тут надо крепко думать! Поэтому вот что тебе надо первой всего узнать: понесла царица или нет. А про это можно спросить вот где...

И Клим опять замолчал. Трофим подумал: Господи Иисусе, этот Клим меня до плахи доведёт!

А Клим, откашлявшись, уже опять заговорил чуть различимым шёпотом:

– Но, может, это и не Годунов. Это могло и само по себе приключиться. Царь же сейчас какой? Как порох! Чуть что, сразу «Убью!» кричит. А то и кидается убить. И хорошо, если пустой рукой. А то, бывает, и посохом. Так он и царевича мог посохом... А что! И теперь и сам не рад, а дело сделано.

Клим замолчал. Трофим лежал, не шевелился, старался неслышно дышать и думал: закричать, не закричать? У себя в Москве он закричал бы, а тут мало ли, как бы после хуже не было. И он молчал пока.

Клим вдруг спросил:

– Чего притих? После скажешь, что не слышал, спал? А я скажу: нет, не спал. И я ещё скажу, что ты про это завёл.

Трофим по-прежнему молчал. Клим громко вздохнул и продолжил:

– А может, царь с умыслом бил, и так тоже может быть. Спорил с ним царевич! Раньше никогда не спорил, а тут вдруг начал возражать. А почему бы нет?! Царь же войну королям

проиграл, Ливония тью-тью, вот бояре и стали на царевича поглядывать: растёт наша надежда. Ну, царь и не сдержался, разъярился и убил! А эти... Ха-ха-ха!

Клим стал смеяться негромко, но очень обидно. И Трофим не выдержал! Вскочил и через лавку – на другую лавку! Навалился на Клима и начал душить! Клим извивался, сопел, но Трофим его не выпускал! Да ещё и приговаривал:

– Я тебе, скотина, покажу, как над государем потешаться! Я и без Ефрема обойдусь! Я тебе язык и без клещей достану, пёс смердячий!

Клим стал понемногу сдавать. Он уже не так вертелся и почти не отбивался, а только что-то мычал, ногой подрыгивал...

Трофим разжал руки, убрал с Климовой груди колено, слез с лавки, провёл рукой в темноте и ничего не нащупал.

– Эх! – только и сказал Трофим.

– Чего? – хрипло спросил Клим.

– Лавку обернул! И квас, – сказал Трофим. – А пить охота!

– На окне ещё стоит, – ответил Клим. Усмехнулся и добавил: – Неотравленный.

Трофим повернулся, поискал на подоконнике, нашёл кувшин и начал пить.

– А ты бешеный! – сердито сказал Клим.

Трофим пил квас, молчал. Клим продолжил:

– Дурень! Я тебя испытывал. Мне Годунов велел. А ты меня чуть не убил.

Трофим отставил квас, вернулся к своей лавке, лёг, накрылся шубой и затих. Клим помолчал, потом спросил:

– А это правда, будто бы сам царь тебе чашу мальвазии пожаловал?

Трофим не сразу, нехотя ответил:

– Не чашу, а чарку. И не мальвазии, а хлебного вина. Двойного.

– А! – разочарованно ответил Клим.

Трофим разозлился и сказал:

– Не пожаловал, а сам поднёс! Пожаловал – это когда он через слуг передаёт. А тут сам, из своих рук, мне вот так чарку подал и сказал: «Держи, Трофимка!» И я взял и выпил, с царя глаз не спускаючи, вот!

– Давно это было? – спросил Клим.

– Давно, – без всякой охоты ответил Трофим и поморщился. Не любил он об этом вспоминать, ох, не любил! И не убивал он тогда никого, а отбивался. Не отбил бы – его бы убили. Тогда он сейчас сидел бы где-нибудь на облаке да сверху вниз поглядывал, а тот, которого он не убил...

Нет, тут же подумал Трофим, ничего здесь, внизу, не поменялось бы. Да и чего гадать? Гадание, суть ведовство, есть грех, за гадание положен кнут. Да и давно пора спать. Какой день был хлопотный! Да и когда его в Москве подняли – может, ещё даже до полуночи. Вспомнив Гапку, Трофим усмехнулся, но тут же опять стал строгим и подумал, что пора спать, во сне часто снится, где и кого нужно разыскивать. Поэтому когда он спит, он служит. И Трофим заснул.

10

Но ничего толкового ему в ту ночь не приснилось. И всё же Трофим, когда проснулся, то, ещё не открывая глаз, прислушался. Было тихо. Тогда он открыл глаза. Окно уже было открыто, но за ним было ещё совсем темно. Свет шёл только от лампы. И в этом слабом свете Трофим рассмотрел, что Клим уже сидит на своей лавке одетый и в шапке.

– Ты куда это? – спросил Трофим.

– К боярину, – ответил Клим. – Он же у нас ранний. А ты здесь как выйдешь, так сразу налево, а дальше, учуешь – там у нас поварня. Скажешь, ты от Клина Битого. Тебя накормят. И там жди меня.

Сказав это, Клим сразу встал и вышел. Трофим ещё немного полежал, повытягивал кости, повспоминал, о чём был сон, а сон был пустой, ненужный. Трофим встал с лавки. На полу валялись черепки от вчерашнего кувшина. Трофим вспомнил, как он душил Клина, и подумал, что это тому будет наука – не распускай язык. А то знаем мы таких: не успеешь рта раскрыть, а он уже донёс!

Трофим вздохнул и начал собираться. Собравшись, надел шапку, вышел, повернул налево и, на горелый дух, пошёл на поварню. Пахло горелым луком, начинался постный день, пятница.

В поварне оказалось пусто. Но Трофим не стал проходить дальше, а сел с ближнего края стола. Вышла повариха – толстенная баба, спросила, он не Климов ли? Трофим ответил, что Климов. Баба ушла, вышел поварёнок, принёс горелого лука и хлеба, а потом кашу на воде и ещё кашу.

Затем пришёл Клим. Вначале он ничего не говорил, а тоже поел, и только после кваса, широко утёршись, Клим сказал, что при покойной палате всё уже готово – рынды приведены, и Савва тоже, а Годунова пока что не будет, ибо ему было приказано быть у царя.

– А что царь? – спросил Трофим.

– Так, – уклончиво ответил Клим. – Хворает.

– А царевич?

– Тоже. – Тут Клим помолчал, потом добавил: – Всю ночь жаром горел.

Трофим перекрестился. Клим тоже.

Они встали и пошли в покойную. Теперь Трофиму шлось легко, да и дошли они быстро. Пока шли, рассвело, в переходах развиднелось.

Возле двери в покойную стояли рынды – двое с бердышами, двое без. А ещё дальше, ближе к повороту, стоял какой-то дворовой человек с руками за спину, а при нём двое стрельцов. Рынды без бердышей – это те, которые тогда стояли на двери, а дворовой – это, наверное, тот самый Савва, истопник, подумал Трофим.

Так оно и оказалось. Но до Саввы дело пока не дошло. Клим выступил вперёд и, обращаясь к Трофиму, одного из рынд без бердышей назвал Никитой Громовым, а второго Петром Самосеем. Трофим достал из-за пазухи целовальный крест, утёр его платочком и выставил перед собой. Пётр и Никита приложились к кресту и пообещали говорить как на духу. Трофим спросил, как было дело.

– Никак не было, – ответил Пётр. – Мы стояли, ничего не видели. Никто не проходил, никто не пробежал. Да и как тут пробежать? Куда?

– Всё сказал? – спросил Трофим.

Пётр ответил, что всё. Трофим сунул ему крест. Пётр его поцеловал и отступил на шаг. Трофим посмотрел на Никиту. Никита выступил вперёд, сказал почти что то же самое, что Пётр, поцеловал Трофимов крест и отступил к Петру.

– Ладно, – сказал Трофим. – Стоять здесь и никуда не отходить.

А сам повернулся к двери. Рынды с бердышами расступились. Клим открыл дверь. За ней было светло. Трофим вошёл в палату и продумал: конечно, светло, когда здесь такое окнище! Оно было стекольчатое, стрельчатое, почти всё прозрачное и только по краям с узором: снизу травка, а с боков – птицы с длинными хвостами. Трофим засмотрелся на окно. Травка была зелёная, как настоящая, а птицы как огнём горели.

Трофим подошёл к окну. В рамах нигде не было ни щёлочки, всё плотно закрыто войлоком и забито гвоздиками с золотыми шляпками. Трофим посмотрел через стекло. Внизу был виден двор, вид был почти как настоящий, только кое-где немного расплывался, будто смотришь через воду. Но вода была чистейшая!

Насмотревшись в окно, Трофим взялся за раму и потянул её на себя. Рама не поддавалась. Трофим потянул сильнее...

– Э-э-э! – прикрикнул Клим. – Ты чего это?! Пятьсот рублей это окно, смекаешь?!

Трофим отпустил раму, обернулся и строго сказал:

– Царевич подороже будет.

Клим не нашёлся что ответить. Трофим отступил от окна и посмотрел на ставни. Они, прислонённые к стене, стояли по бокам окна. А вчера стояли на окне!

– Кто их снимал?! – спросил Трофим.

– Спирька Жила, – сказал Клим.

– Зачем?!

Клим молчал.

– Спирьку сюда! – велел Трофим.

Клим сказал, чтобы привели Спирьку. Пошли за Спирькой. Трофим отступил от окна и стал осматривать палату. Лавки там были как лавки, ковры как ковры, печь как печь...

Вот только какая же она здоровенная, подумал Трофим, и тут же вспомнил, что царь очень не любит зябнуть, ему жара подай! Говорят, как пойдёт в мыльню, как сядет на полок да как велит плеснуть на камни, что уже дышать нечем, а он говорит: «А ну подайте мне Мстиславского, пусть он расскажет, как моё войско в Ливонии бьётся!» И волокут Мстиславского, и тот, ещё жару не нюхавший, уже и так обомлел...

Ладно! Трофим подошёл к печи. Она вся была в немецких изразцах, на них были всякие действия. Но Трофим их не рассматривал, а только мельком глянул за угол – и там увидел кочергу, ту самую. Кочерга была по-прежнему в крови, и клочок волос был на месте. А могли и спрятать кочергу. Да вот не спрятали! А почему? Трофим ещё немного постоял, подумал, а после отошёл к дальней стене и сел на лавку так, чтоб быть прямо напротив печи, и велел звать Савву.

Его привели. Это и в самом деле был тот дворовой. Ему было лет под пятьдесят. Он был истопник как истопник, простоватый, перепуганный.

– Савва! – велел Трофим. – Иди сюда!

Савва подошёл. Ноги у него заплетались. Трофим, не вставая, подал ему крест. Савва поцеловал его и чуть слышно промямлил про то, что будет говорить как на духу.

– Громче! – велел Трофим.

Савва сказал это громче. Трофим утёр крест, убрал его, сказал:

– Стань, где стоял.

Савва отошёл на своё прежнее место и, глядя на Трофима, побелел ещё сильнее. Трофим усмехнулся и подумал, что дело уже почти сделано, сейчас Савва ему всё расскажет.

Но тут вдруг открылась дверь и вошёл Зюзин, а за ним его люди, с десятком.

– О! – радостно воскликнул Зюзин. – А вот и вы все тут!

Трофим сразу поднялся с лавки и снял шапку.

– Сиди, сиди! – сказал Зюзин.

Но Трофим, конечно, не садился. Зюзин вышел на середину палаты, остановился возле Саввы, крутанулся на каблуках и всё так же весело спросил:

– Что, пёс, молчишь? Рассказывай, как ты царевича убил.

– Я не убивал, – чуть слышно сказал Савва.

– Что-о-о? – нараспев спросил Зюзин.

– Не убивал я, – сказал Савва уже громче.

– А вот мой московский человек, – и Зюзин кивнул на Трофима, – говорит, что убивал.

– Не убивал! – ещё громче сказал Савва. – Государь боярин!

И он упал на колени.

– Встань, пёс, – строго велел Зюзин.

Савва встал.

– Рассказывай, – уже не так сердито сказал Зюзин. – А то московский человек не верит.

Ну!

И Савва, глядя то на Зюзина, то на Трофима, начал рассказывать:

– Я, это, сидел у нас в истопницкой. Здесь, за углом. Вчетвером сидели. И вот приходит наш старший, Карп Ильич, и говорит: чего ты, скотина, сидишь, не чуешь, что мороз ударил, а ну беги в покойную, пока не поздно!

– Что поздно? – спросил Зюзин.

– Поздно – это когда государь разгневается, если будет не натоплено. И я сразу встал, взял дров побольше и пошёл.

Зюзин опять спросил:

– Каких дров взял?

– Вот этих. – Савва показал на печь. Там, возле неё, и в самом деле по-прежнему лежали кучей дрова. – И вот я вхожу...

– Стучал? – строго спросил Зюзин.

– Нет, Боже упаси! Нельзя стучаться. Царь-государь этого очень не любит. Ты, говорит, Савва, разве человек? Ты тень! Вот я как тень и хожу. Так же и тогда, как тень, вошёл.

– А рынды что?

– А они расступились. И я вошёл. Смотрю, царь с царевичем стоят при столике и между собой беседуют.

– О чём?

– Я никогда этого не слушаю. Это не моего ума дело. Я, когда сюда вхожу, становлюсь как тень. Даже как полено – ничего не вижу и не слышу и не понимаю.

– А царевича убил! – насмешливо добавил Зюзин.

Савва поморщился, но перечить Зюзину не стал, и продолжал:

– И вот я вошёл, подошёл туда, где сейчас дрова лежат, и наклонился. И вдруг слышу...

– Что слышу? – вскрикнул Зюзин.

– Вижу! Вижу! – ещё громче вскрикнул Савва. – Вижу, как кто-то из того угла, где сейчас сидит московский человек...

Все обернулись на Трофима. Ах ты, сука, подумал Трофим. А Савва продолжил:

– Он оттуда вдруг как кинется! И на царевича! И по голове ему! Царевич на пол! Из него кровяца! Царь на царевича и как заголосит!

– Что? Царь заголосил? – недоверчиво переспросил Зюзин.

– Нет! – сказал Савва. – Я оговорился. Царь упал немо. И немо лежит. А тот злодей вот прямо сюда, в печь, в изразцы кинулся – и нет его!

– Как это в изразцы? – спросил Зюзин.

– Ну, я не знаю, – сказал Савва. – Я говорю, как видел. Вижу – он был, и вот уж – его нет. А царевич лежит весь в крови. А царь лежит возле него как неживой. И я тогда в дверь и бежать! И кричать: «Царевича убили! Царевича убили!» И это всё.

– Гм, – сказал Зюзин. – Вот как! – И, повернувшись к Трофиму, добавил: – Что скажешь?

– Не верю я ему, – сказал Трофим.

– Почему? – спросил Зюзин.

– Потому что чего он побегал? Вот тут царевич лежит. Вот тут царь. И никого тут больше не было – и дверь закрыта, и окно закрыто, и в печь никто не влезал... А этот побегал вдруг. Почему? Потому что тут подумать больше не на кого, потому что тут были только царь, царевич и вот он. Поэтому кто мог убить, кроме него? Вот он и побегал поэтому. Так было? Нет?

Савва очень сильно покраснел, стал почти чёрным... И сказал:

– Так и я тогда подумал: никто мне в этого злодея не поверит, все скажут, это я убил.

Вот я и побегал. Чтобы от греха подальше.

– А забежал на дыбу! – сказал Зюзин. И резко спросил: – Чем бил?

– Я? Кого?!

– Царевича.

– Не бил я его! – крикнул Савва. – А тот бил! Злодей!

– Чем бил?

– Не помню я!

Зюзин усмехнулся, оглянулся на Трофима и сказал:

– А вот мы сейчас вспомним. Ведь вспомним же?

Трофим кивнул, подошёл к печи, сунул руку за угол и вытащил оттуда кочергу – в крови, с волосами. И строго спросил:

– Этим?

– Что это? – тихо спросил Савва.

– Кочерга, – сказал Трофим, – твоя.

– Нет, – тихо сказал Савва, – не было здесь такой. Не моя это кочерга! Христом Богом клянусь! – И он истово перекрестился. – Подменили!

– А где тогда твоя? – спросил Трофим.

– А здесь! Здесь! – уже во весь голос вскричал Савва.

И обернулся к печи. Дрова там при печи валялись, совок для угольев, помельцо. Но кочерги там нигде не было. Савва кинулся к печи, но его перехватили, удержали. Савва истошно закричал:

– Здесь где-то она! Здесь!

Зюзин молча хищно усмехался. Нужно было стоять и молчать, и дело бы закончилось, Трофим вернулся бы в Москву. И какой подлюка этот Савва!..

Но Трофим не удержался, подошёл к печи и стал осматриваться. Потом повернулся к дровам и развалил их кучу сапогом. На полу что-то сверкнуло. Один из стрельцов кинулся туда и достал из-под дров кочергу. Даже кочерёжку – маленькую, неприглядную.

– Она! Родимая! Моя! – радостно выкрикнул Савва, и из глаз его брызнули слёзы. – Я дрова на неё уронил! Я...

– Молчи! – грозно велел Зюзин.

Савва замолчал. Стрелец подошёл к Зюзину и отдал ему эту кочерёжку. Зюзин повертел её и так и сяк, насмешливо спросил:

– Чего она такая куцая?

– Раньше была не куцая, – ответил Савва. – Да царь однажды спросил, чего это я такой дрын себе завёл, убить его задумал, да? Ну и дали мне такую вот.

– Кто дал?

– Кузьма Сом, из ваших же.

– Ну, Кузьма, – уже не так сердито сказал Зюзин, опуская кочергу. – Спросим у Кузьмы, а как же! А эту ты не видел? – И он кивнул на кочергу, которую держал Трофим. – Эту кочергу! Не видел?

– Нет, – сказал Савва. – Как я её там увидел бы? Мне только до сюда ход, до дров. Я дальше никогда не хаживал. Моё дело: натопил – и вон!

Зюзин посмотрел на Клима. Клим утвердительно кивнул. Зюзин спросил:

– А там чей ход? – и показал на печной угол.

– А там Спиридон Фомич, – уже почти спокойным голосом ответил Савва. – Или просто Спирька. Здешний сторож. Он в ту ночь тут сторожил.

– Опять Спирька! – сказал Зюзин. – Ладно!

И обернувшись, спросил, здесь уже Спирька или ещё нет. Те, кто стояли при двери, ответили, что уже здесь.

– Ладно, – сказал Зюзин. – Тогда этого пока что уберите, а приведите того.

Савву взяли под руки и увели. А вместо него ввели другого – дворового человека Спирьку.

11

Или, правильнее, Спиридона Жилу, государева комнатного сторожа. Он был низенький, толстый и с виду очень напуганный. Когда его ввели, он упирался.

– А! – грозно сказал Зюзин. – Вот он, злодей!

Спирька от этих слов совсем обмяк и упал бы, но ему не дали. Тогда он начал вертеть головой, смотреть то на Трофима, то на Зюзина. Трофим подступил к Спирьке, подал ему крест. Спирька крест поцеловал, но молча. Трофим велел побожиться. Но Спирька только кивнул, что божится.

– Спирька! – строго сказал Зюзин. – Смотри, ремней нарежу! Спина у тебя широкая, режь – не хочу.

– Государь боярин, государь боярин! – зачастил Спирька. – Век буду Бога молить!

– Век у тебя будет короткий, – сказал Зюзин. И сразу спросил: – Ты тогда здесь был? Когда царевича убили?! Ты да Савва!

– Брешет Савва! – тихо сказал Спирька. – Я не убивал! Я пьян лежал. Винюсь, государь боярин, пьян был, как свинья. Лежал под лавкой. Клим Петрович! – оборотился он к Климу. – Ведь был я пьян! У Якова!

– Был, – нехотя ответил Клим.

– Был! Был! У Якова! – поспешно подхватил Спирька. – Кто же знал, что такое сотворится! Кабы знали, так не пили бы... А так слаб стал я, Клим Петрович, всего две чары выпил и закружилась голова, я и прилёг. А тут вдруг крик, гам! Заскочили, кричат: Спирька, беги, посмотри, что в твоей палате сотворили! Я и подскочил, забыл про хмель, прибегаю, глянул... А они лежат.

– А окно было закрытое? – спросил Трофим.

– Закрытое, – ответил Спирька. – Это я его только сегодня открыл. Сказали, придёт человек из Москвы, так чтобы ему было виднее, я открыл. А так было закрытое. В тот день ветер какой поднялся, и прямо в окно. Вот я, чтоб от греха подальше, и закрыл его. И темнотища тут такая стала! Я засветил огней. И только вышел, государь идёт с царевичем. И они сюда. А я ушёл. После прибегают, кричат: глянь, Спирька, беги, глянь!

И Спирька замолчал.

– Глянул? – строго спросил Зюзин.

Спирька кивнул, что глянул.

– И что?

– Крепко царевича побили.

– Кто?

Спирька пожал плечами.

– Ну а хоть чем?

Спирька опять не ответил.

– Может, этим? – спросил Зюзин и посмотрел на Трофима.

Трофим поднял кочергу. Спирька смотрел на неё и молчал.

– Что это за кочерга? – спросил Зюзин.

– Кочерга как кочерга, – с досадой сказал Спирька. – Она здесь за углом стояла, – и он кивнул в сторону печи.

– Давно стояла? – спросил Зюзин.

– С лета.

– Чья она?

– А я откуда знаю? Стоит и стоит.

– Да как это «стоит»?! – взъярился Зюзин. – Невесть чья кочерга! В царских палатах! Пёс! А если она заколдованная?! А если она с порчей?!

– Да какая порча в кочерге! – воскликнул испуганный Спирька.

– А вот такая! – крикнул Зюзин. И приказал: – Трофим!

Трофим сунул кочергу едва ли не в нос Спирьке и очень строго спросил:

– Чья это кровь? Чьи волосы?! Царевичевы?! А?!

Спирька побелел, как снег, и начал закатывать глаза.

– Воды! – крикнул Трофим, убирая кочергу.

Но было уже поздно, Спирька совсем обомлел. Его чуть успели подхватить.

– Хлипкий какой, – сердито сказал Зюзин. – Но нас этим не проймёшь. – И велел: – Уберите его! Лёду ему в нос! И чтоб был под рукой!

Стрельцы поволокли Спирьку обратно в дверь.

– Вот псы, – сердито сказал Зюзин, закладывая руки за спину. – Как царевича убить, так все иерои, а как ответ держать...

И вдруг откуда-то издалека раздался глухой удар. После ещё один. После ещё. Зюзин поднял правый перст, прислушался. Ударило ещё раз.

– С Митрополичьей звонницы, – негромко сказал Клим.

– Сам знаю! – зло ответил Зюзин. И добавил: – Дела у меня. А ты здесь за старшего. И ты! – сказал он Трофиму, развернулся и пошёл к двери.

И вышел. За ним вышли все, кто с ним пришёл, а это с десяток человек, не меньше.

Клим махнул рукой – и вышли и все остальные. Теперь в палате оставались только Клим с Трофимом. Клим взял у Трофима кочергу и осмотрел её, потрогал на ней волосы, отдал обратно и сказал:

– Я думал, дело решённое. А тут поди ж ты.

Трофим ничего на это не ответил. Тогда Клим сказал:

– Вот оно, какое дело вылезло. Теперь ему конца края не видно. Тут как бы нас самих не взяли в розыск. За укрывательство. А что?! Царевича убили, а мы возимся. Почему сразу найти не можем? Нюх у нас отшибло, да? А вот вам, скажут, нюх! Ты клещи нюхал?

На что Трофим вместо ответа сам спросил:

– Кто там у нас ещё остался?

– Шестак Хромов, – сказал Клим. – Сторож с рундука. Он видел, как Савва выскакивал. А после унимал его.

Трофим кивнул. Клим пошёл к двери и кликнул Хромова. Пришёл тот Хромов. Это был здоровенный детина, высокий, румяный. Трофим сунул ему крест. Хромов побожился говорить как на духу. Трофим велел рассказывать. Хромов ещё раз перекрестился и начал, с охотой:

– Я тогда там, при рундуке, стоял, с самого края. И как раз смотрел в эту сторону. Тихо тогда было. А кому шуметь? У нас в этом углу всегда тихо. И вдруг слышу крик! Кричит кто-то, прямо Боже мой! Как режут! А после дверь вдруг: бабах! И из двери этот Савва!

– А рынды что? – спросил Трофим.

– А очумели они! Отскочили! И он мимо них и на нас! Бежит, орёт: «Царевича убили! Царевича, братцы». Я к нему! А он мне шарах по сусалам – и дальше! Я за ним! Бегу, а у меня кровящи! Он же мне нос расквасил! Ох, думаю, догоню и убью! Но там же, дальше, темнота. И я зацепился и упал перед Большим рундуком. И там тоже все наши повскакали! И ну его хватать! А он ото всех вырывается, они его схватить не могут, теснотища! И тут я вскочил! И на него! И в харю ему! Он с копыт! Я на него! И душить! А он пеной изо рта плюётся, визжит, а я его ещё сильнее... И задушил бы. Но меня с него стащили. И вот я стою, меня держат, а он лежит под рундуком и шепчет: «Царевича убили, братцы, царевича!» Пошли, посмотрели – и точно убили.

И он замолчал. Клим тоже молчал. Трофим спросил:

– А чего у него пена изо рта?

– Ну, мало ли, – задумчиво ответил Хромов. – Может, от страха, может, обкормили чем.

Всякое в жизни бывает.

– А с ним раньше бывало, чтобы он вдруг буйствовал?

– Нет, никогда. Не слышали.

– Ну а в тот день он как до этого?

– Да вроде как всегда.

– А когда он туда вошёл? И долго ли там был?

– Да тоже вроде как всегда.

Трофим задумался. Зато Клима вдруг заговорил – спросил у Хромова:

– Ты это, если ещё спросят, повторишь?

– А то! – уверенно ответил Хромов.

– Тогда пока выйди, – сказал Клима. – И там жди. И всем другим скажи, чтоб ждали.

Хромов вышел. Клима повернулся к Трофиму и сказал:

– Не по душе мне этот Хромов. Брешет! И не просто брешет, а подучил его кто-то. Он про пену раньше не рассказывал. Приплёл для страха, я так думаю. Ну, страху и у нас найдётся. А что?! А не свести ли его вниз?!

Трофим молчал. Клима повторил:

– Здесь он ничего уже не скажет. Нет в нём здесь страху. И у других тоже нет. Здесь же им вон как светло! А на свету правды не сыщешь. Поэтому, я думаю, хватит их тут трепать. Пусть лучше они все идут вниз, к Ефрему, и он их там пока что принимает, охолонёт маленько. Поставит на ум! И вот тогда и мы к ним спустимся – и им будет радость. Ну что?

Трофим подумал и сказал:

– Давай.

Клима опять прошёл к двери, открыл её и вышел в сени. Было слышно, как он там вначале повелел вести всех вниз, к Ефрему, а про себя и Трофима сказал, что они тоже скоро туда спустятся, но у них здесь пока есть дело. Потом, когда все стали спускаться вниз, Клима кликнул ещё кого-то и велел, чтобы тот расстарался и не мешкал. Этот кто-то обещал управиться. После чего Клима вернулся в покойную, закрыл за собой дверь и сказал, что сейчас им принесут, и они немного перекусят. И тут же, поморщившись, прибавил:

– Да убери ты её! Смотреть тошно.

Это он сказал про кочергу, которую Трофим по-прежнему держал в руках. И в самом деле, подумал Трофим, осмотрелся и положил кочергу на царёв закуточный столик, так как туда было ближе всего. Клима почти сразу же сказал:

– И они тогда как раз вот так стояли: там, где ты, царь, а там, где я, царевич. И тогда же был гонец из Пскова, в тот же день, за час до этого.

– И что он говорил, этот гонец? – спросил Трофим.

– Что, что! – сердито сказал Клима. – Да тут и говорить не надо ничего. Профукали всё, что могли. Ливонию сперва профукали. Теперь вот как бы Псков не фукнуть. Ох, государь тогда как на гонца разгневался! Да он и так теперь всегда как порох. Чуть что не так... – и замолчал, повернулся к двери.

Дверь открылась, вошли служки, внесли яства и питьё. Клима поманил их рукой. Они по очереди подходили к столику, составляли на него, что принесли, и сразу же, развернувшись, выходили. Яства были просто загляденье. Клима усмехнулся и сказал:

– Здесь по-другому потчуют, с другой поварни. И поят тоже!

Трофим вспомнил про пятницу, про постное, тяжело вздохнул. Служки вышли, дверь за ними затворилась. Клима потёр руки, сказал:

– Я буду столбником! – Взял со стола длинноносый кувшин, налил из него по серебряным чарам, облизнулся и прибавил: – С богом!

Они, как стояли, так стоя и выпили. Так же, стоя, начали закусывать. Винцо было бабье, сладкое, Трофим взял после него на закуску кисленького яблочка. Клим продолжал:

– Вот так же и они тогда стояли, царь с царевичем. Говорят, говорили про Псков. А кто это слышал? Один только Савва мог слышать. Но он говорит, что их тогда не слушал, и никогда не слушает. И так оно и есть, я думаю. Савва понимает, что ему будет, если он вдруг чего где пикнет. А так молчит – и живёхонек.

– Так, думаешь, он нам сегодня правду говорил? – спросил Трофим.

Клим вместо ответа показал рукой на чары. Трофим согласно кивнул. Клим налил из другого кувшина. Они выпили. В груди как огнём полыхнуло! Трофим опять взял яблоко и начал быстро есть, чтобы загасить огонь. Клим утёр губы и сказал задумчиво:

– Я думаю... – и тут же продолжал: – А что я думаю? А что не думаю? И кому до этого есть дело? Растереть им на это, вот что!

Взял кусок мяса, надкусил, опять задумался. Потом сказал:

– Надо, думаю, нам с Саввой не спешить пока. Оставим его напоследок. Сперва всех других попытаем, а потом уже его возьмём. И сразу на виску! И растянуть как следует! И он заговорит, как пить дать! А пить не давать.

Сказав это, Клим засмеялся, в глазах засверкали огоньки. После опять стал серьёзным, сказал:

– Ну а вдруг он наговорит такого, чего лучше никогда не слышать, тогда нам как?

Трофим посмотрел на кувшин.

– А ничего! – продолжал Клим, не замечая этого. – Не бывает нераскрытых дел. Все дела как-нибудь да раскрываются. Кто-нибудь да берёт на себя. Ну а если никто не возьмёт, значит, мы с тобой плохо служили, Трофим, и сами на себя возьмём. Вот так-то! Трофим Пыжов да Клим Битый царевича-наследника зарезали! – И он кратко, негромко засмеялся: – Га-га-га!

Трофима передёрнуло, и он сказал:

– Что ты такое говоришь?! – и покосился на дверь.

– А! – отмахнулся Клим. – Там ничего не слышно. Дверь же войлоком обита.

Трофим подумал и сказал:

– Тогда и рынды ничего не слышали, когда всё это утворилось.

– Да, не слышали, – ответил Клим. – Но надо будет, и придут, и скажут: слышали, а как же! А иначе что?! Зачем их тогда Зюзин набирал, скотов таких, если они даже этого не могут – скривить под крестом? Так-то вот. Всё тут решено давно, до нашего ещё приезда – Савва будет отвечать. Он и там был, он и припадочный, и пена изо рта текла. Он и убил! Или ты думаешь, что если никого не найдёшь, то и никто за это не ответит? Так, что ли?

Трофим злобно хмыкнул.

– А! – насмешливо воскликнул Клим. – Ты думаешь, я скот такой? Был бы скотом, давно сказал, что у тебя шило в левом голенище. Ты шило на воротах не отдал! Ножи отдал, а шило нет! И с шилом к царю захаживал. А после, с шилом же, к царевичу. Заколоть ты их хотел, вот что, да оробел, Бог не позволил. Но всё равно тебя сразу в хомут! А мне пятьдесят рублей за службу. А пятьдесят – это о-го-го! Это не те двадцать, которые ты у себя за пазухой запрятал. А...

И тут Клим сбился, потому что Трофим поднял кочергу, но тут же опомнился, засмеялся и продолжил:

– Вот-вот! А тут ещё и кочерга. Скажу: грозил меня убить. За это мне ещё десять рублей накинута.

Трофим опустил кочергу, усмехнулся и сказал, уже почти без злости:

– Ладно, ладно. Хотел бы я тебя убить, давно убил бы. И ты у меня не хворал бы, а сразу бы ноги протянул. – И спросил: – А как ты про шило узнал?

– А сегодня ночью, – сказал Клим, – когда ты спал. Крепко ты спишь, Трофим, в Слободе так спать нельзя.

– Ну, может, твоя правда, – нехотя сказал Трофим, повертел кочергу и спросил: – А что теперь с ней?

Клим поднял сиденье лавки, там внизу оказался сундук. Клим взял из сундука кусок рогожки, протянул Трофиму. Трофим завернул в рогожку кочергу.

– Перекусили, – сказал Клим, – пора и за дело браться.

И они пошли вон из покойной.

12

В сенях их уже ждал стрелец со светом. Клиим коротко велел:

– К Ефрему!

Стрелец их повёл. И опять они поворачивали то направо, то налево, и так же много раз спускались по лестницам вниз. Но ни разу вверх не поднимались, а только вниз да вниз. И вскоре оказались в так называемом Малом Застенке. Это было обычное, ничем не примечательное подземелье: тёмное, сырое, вонючее, посреди него стояли дыба и хомут, а дальше за ними, у стены, Трофим увидел, уже без рубах, государева истопника Савву, государева сторожа Спирьку, рундучного сторожа Шестака, двух покоёвых рынд – Никиту и Петра, – и ещё какого-то человека, наверное, из дворовых. Там же, при них, стоял и сам царёв палач, Ефрем Могучий, и в самом деле очень здоровый, саженного роста и толстый, в красной атласной рубахе и в чёрном кожаном фартуке. За Ефремом, за столом, при свете, сидел готовый записывать пищик.

– Помогай Бог! – сказал Ефрему Клиим. Ефрем в ответ кивнул. – А это наш московский человек, – продолжил Клиим, кивая на Трофима.

– С давна знакомые, – со значением ответил Ефрем. – Так ли, Трофим Порфирьевич?

Трофим кивнул, что так. И почти сразу же спросил:

– А это кто? – и указал на дворового.

Ефрем посмотрел на пищика. Пищик важным голосом назвал:

– Максим-метельщик. Он там метёт. И в тот день тоже мёл.

Трофим кивнул. Обернулся на Ефрема и спросил:

– С кого начнём?

– Как всегда, – ответил Ефрем, усмехаясь. – С того, кто пожиже.

И, заложив руки за спину, глядя себе под ноги, прошёл вдоль злодеев. После развернулся и пошёл обратно – теперь уже глядя им в глаза...

Вдруг схватил метельщика Максима за руку! Крепко схватил, как клещами! Метельщик охнул и обвис. Ефрем разжал руку. Метельщик упал на пол.

– Сенька! – строго окликнул Ефрем.

Сбоку, из Ефремовой каморки, выскочил его подручный Сенька – худой, тшедушный человечешко – и сразу кинулся к метельщику, начал его трясти, бить по щекам, дуть ему в рот. А тот лежал как мёртвый.

– Убери его, чтоб не мешал, – велел Ефрем.

Сенька оттащил метельщика к стене, там выкопал из-под соломы кувшин, макнул в него тряпку и начал тереть метельщику губы. Метельщик сморщился.

А Ефрем опять прошёл мимо стоящих, потом ещё... И вдруг схватил за руку рынду – Петра Самосея. Рында побелел и замер.

– Есть что сказать? – спросил Ефрем. – Есть или нет?!

Рында подумал и ответил:

– Есть.

– На кого?

– На Ададунова Семёна, стольника, царёва посланника в Псков.

Ефрем обернулся на Клиима с Трофимом. Вот оно что, подумалось Трофиму, Псков! Но не успел он и рта раскрыть, как Клиим поспешно воскликнул:

– Э, нет-нет! Это уже не наше дело. Это посольские пусть разбираются.

Трофим повернулся к Клииму. Клиим уже спокойным голосом продолжил:

– Ададунов – это не про нас. С Ададунова пусть Зюзин спрашивает. – Обернулся на стрельца с огнём и приказал: – Беги, пёс, ищи воеводу и скажи: большая измена открылась. В посольском приказе. Беги!

Стрелец развернулся и вышел. А Клим осмотрел построенных людей, после мельком глянул на Трофима и, повернувшись к Ефрему, сказал:

– Повременим пока. Придёт воевода, продолжим.

Ефрем послушно кивнул, повернулся к людям, велел идти за ним – и увёл их за угол, в остужную. А Сенька уволок туда метельщика.

Как только они все ушли, Клим сразу подошёл к столу и спросил у пищика, не записал ли тот чего лишнего. Пищик ответил, что нет. Клим всё равно взял со стопы верхний, уже наполовину исписанный лист и, осмотрев его, вернул. Трофим спросил, что теперь делать.

– Ждать, а чего ещё, – ответил Клим.

Трофим осмотрелся, отступил, сел на лавочку и положил кочергу на колени. Клим продолжал стоять. Молчали.

Какая вонища здесь, думал Трофим, как они от неё не передохнут. Вот уже кому не позавидуешь – Ефрему. Он здесь почти безвылазно торчит. Другое дело в Москве, от царя подальше! Вон у них Сидор неделями сидит без дела. Приведёшь к нему кого-нибудь – он спит. Князь Михайло, бывает, смеётся, говорит: а вот pošлю вас...

Заскрипела дверь. Трофим насторожился.

Из остужной вернулся Ефрем, остановился возле дыбы и в сердцах сказал:

– Какой народ хлипкий пошёл! Просто тьфу!

И, повернувшись к свету, начал рассматривать рукав своей рубахи. Рубаха у него была знаменитая – красная, как огонь, атласная, и на свету переливалась. Ефремова рубаха, это знали все, была непростая – её сам царь ему пожаловал, Ефрем ею очень гордился. Клим усмехнулся и спросил:

– А что, люди правду говорят, что это царёва рубаха?

– Какая царёва! – сердито ответил Ефрем. – Я её, что ли, с царя снимал? Как это так?!

– А говорят же.

– Говорят! – ещё сердитей продолжил Ефрем. – А я не слышал. На воле можно всякое сказать. А вот пусть на дыбе повторят!

– Ох, ты и строг, Ефремка, – сказал Клим. – Тебе б только людей мучить.

– Служба такая, – ответил Ефрем. – Будет другая служба, буду по-другому.

– А всё же рубаха чья? Нежели с самого Малюты?

– Нет, – со вздохом ответил Ефрем. – Малюту я не пытал. А вот Афоньку Вяземского, вот этого да! И это его рубаха.

– Вот прямо эта – с него?

– Ну, не совсем эта, а почти. – Ефрем заулыбался, даже облизнулся. – Афонька был тогда в силе, ого! Первый опричник был Афонька. Вот кто зверь зверем был. Что я? Я же по службе зверь, а он зверь по нутру. Такая у него душа была. Он православного народу накрошил не дай Бог сколько! И думал крошить дальше. Но наш надёжа-государь царь и великий князь Иван Васильевич ему такого не позволил. И вот сижу однажды, думу думаю, а ко мне ведут Афоньку! В кровище весь, волосья клочьями, борода оборвана, половина зубов выбита, глаза заплыли. А рубаха на нём... Я как глянул... Оторваться не могу. Огнём горит! Эх, думаю, как бы мне эту красоту не замарать. И пособил Афоньке, усадил на лавку, ручки ему поднял, рубаху снимаю смирно, чтобы в крови не уделать. Государь заметил это, усмехнулся, говорит: «Что, Ефремка, глянулась рубаха?» Я отвечаю: «Есть грех, государь». Он: «Забирай!» Я и забрал. Вот чья была рубаха – с Вяземского. И как я её любил! Никогда не снимал – ни днём, ни ночью, ни в жар, ни в стужу. И что? Год миновал, а какой тогда был год длиннющий, тяжеленный, сколько было службы... И заносилась рубаха. На Рождество стою здесь у себя, служу, и тут же царь рядом сидит. И вдруг говорит: «Ты что это, Ефремка, заносил рубаху так, что смотреть противно. И вонища!» Я говорю: «Винюсь, царь-государь, свинья я». «Нет, – он говорит, – ты не свинья, а верный пёс». И обернулся, и велит Мстиславскому: «Ванька, а ну, чтоб завтра моему Ефремке

был отрез парчи на новую рубаху!» И, ну, не парчи, парчи красной тогда не нашли, а атласу отпустили. Так с той поры и повелось: как Рождество, так мне рубаху. Так, думаю, и в этом году скоро будет. Уже ноябрь на исходе.

Сказав это, Ефрем опять повернул локоть рубахи к свету и стал смотреть, нет ли на нём каких пятен. Клим вздохнул и начал говорить:

– А мне царь-государь однажды...

Но тут в сенях послышались шаги. Клим сразу замолчал.

Раскрылась дверь, вошёл стрелец, уже другой, и сказал:

– Я с Верху. Воевода сейчас крепко занят. Велел продолжать без него. Но смирно, с опаской, высоких статей не касаясь.

– Это можете не беспокоиться, – сразу ответил Клим. – Иди и скажи...

– Нет, – тут же ответил стрелец. – Мне велено остаться здесь.

И повернулся к Трофиму. Трофим оставил кочергу на лавке, выступил вперёд и велел привести рынду Петра Самосея. Сенька сходил за угол, привёл. Трофим сунул рынде целовальный крест, рында его поцеловал, назвал себя и сказал, что будет говорить как на духу. Трофим посмотрел на Сеньку. Сенька быстро ушёл за угол. Было слышно, как за ним закрылась дверь в остужную.

– В хомут? – услужливо спросил Ефрем.

– Рано ещё, – сказал Трофим, глянул рынде в самые глаза и строгим голосом велел: – Рассказывай пока что вольно.

– А что рассказывать? – испуганно ответил рында. – Мы стояли при дверях. Пришёл царь-государь с царевичем. Стоим. Приходит Ададунов, называет слово. Мы его впускаем. А как было не впустить? Он и вошёл к царю. Он и раньше туда часто вхаживал. Стоим...

– А слышно было что-нибудь? – спросил Трофим.

– Нет. Ничего. Там дверь на войлоке.

Трофим подумал, согласно кивнул. Рында, осмелев, продолжил:

– Стоим. Служим. Ададунов вышел. И ушёл.

– Как он ушёл? – спросил Трофим. – Какой был из себя? Крови на нём не было? Глаза не бегали? Сам не запыхавшийся был?

Рында подумал и сказал:

– Он злой был, Ададунов. Красный. Даже вот так: закрыл дверь, сплюнул, шапку надел и ушёл.

Трофим посмотрел на Клима. Клим усмехнулся и сказал:

– Это ему войска в Псков не дали.

– Что? – строго спросил Трофим. – А ты откуда это знаешь?

– Ай! – ответил Клим. – Не придирайся. Да и не наше это дело, а посольское. Это уже пусть Зюзин с Ададунова спрашивает, почему тот от царя выходил и плевался. Какая свинья!

– Ладно, – не стал спорить Трофим. – Пусть так. – И снова обратился к рынде: – И вот Ададунов плюнул и ушёл...

– И ещё растёр! – прибавил рында. – И уже только после ушёл.

– А дальше было что? – спросил Трофим. – Не возвращался Ададунов?

– Нет. А после Савва-истопник как выскочит да как начнёт орать!

– Так он что, там давно сидел? Он туда ещё до Ададунова вошёл, так, что ли?

Рында подумал и ответил:

– Вряд ли.

– Тогда он когда туда вошёл?

– Не знаю, – честно сказал рында. Покосился на Ефрема и опять сказал, уже с надрывом: – Не знаю! Он же туда-сюда всё время ходит. А если зябкий день, так царь его так и гоняет топить и топить!

– А в тот день гонял?

– В тот не помню.

– Пётр! – строго сказал Трофим. – Подумай! Вспоминай, пока не поздно. На дыбе будет трудней вспоминать.

Рында молчал, стрелял глазами.

– Ну! – грозно велел Трофим.

Ефрем схватил рынду и начал крутить ему руки. Рында не выдержал и не своим, визгливым голосом воскликнул:

– Откуда я знаю?! Может, он в другую дверь вошёл, а в нашу вышел!

– В какую другую?!

– С другой стороны!

– Где с другой? Что за дверь?

– Э! Э! Э! – зачистил Клим. – Петька! Одумайся! Чего молотишь?! На кол сядешь! – И уже сунулся к рынде...

Но Трофим схватил его и оттащил, сам повернулся к рынде, взял его за подбородок и выкрикнул:

– Молчать всем, суки!

Все затихли. Трофим медленно, едва не по складам спросил:

– Какая ещё дверь, Петруша? Где?

– Ну, я не знаю, – дрожащим голосом ответил рында. – Мало ли. Не может того быть, чтобы в такой важной хоромине была только одна дверь... Не знаю...

И он замолчал. И даже прикусил губу для большей верности. Трофим кивнул Ефрему. Ефрем крепко встряхнул рынду. Но рында даже не пикнул.

– Говори! – строго велел Трофим. – Где вторая дверь? На дыбу хочешь?

Рында понуро молчал. Клим из-за Трофимовой спины сказал:

– Чего ты к нему пристал? Какая ещё вторая дверь? Может, человек оговорился. – И уже со смехом продолжал: – Петрушка! Что молчишь? Навалил в порты?

Рында опять не ответил. Глаза у него были стеклянные.

– Вот так же... – начал было Клим...

Но Трофим его не слушал. Он ткнул рынде под нос целовальный крест и приказал:

– Целуй! И говори: есть там вторая дверь? Есть или нет?

Рында уже открыл рот...

Но тут опять открылась дверь, вбежал ещё один стрелец и закричал:

– Измена! Бунт! На государя посягнули! Боярин велел всё бросать – и к нему!

И, развернувшись, побежал обратно. И второй зюзинский стрелец за ним! И Клим! Тогда и Трофим, прихватив кочергу, кинулся за ними следом. Ефрем, конечно же, остался в пыточной. И Сенька с ним. И пищик. И рында. И все остальные подследственные людишки.

13

Сначала они бежали, с топотом, наверх, потом мимо стрельцов с серебряными бердышами, и, наконец, забежали в просторную хоромину, посреди которой стоял на лавке, чтоб было повыше, Зюзин и что-то приказывал. Вокруг него толпились его люди. Зюзин сразу же заметил Клима и Трофима и воскликнул:

– О! И вы здесь! Слыхали?! Карла сбрендил! Ходит по дворцу и говорит, будто он видел, как царь царевича со злости посохом убил! – И, опять обращаясь к своим, стал приказывать: – Карлу сыскать и взять! Немедля! Сто рублей тому, кто первый его сыщет! Взять!

Толпа отхлынула от Зюзина и стала разбегаться. Клим тоже было развернулся... Но Трофим за ним не побежал, а, обращаясь к Зюзину, воскликнул:

– Государь боярин! Там вторая дверь! Рында показал! В покойной!

– Не до покойных! Карлу ищите! Сто рублей даю! Скорей!

И Зюзин пихнул Трофима в грудь. А Клим тут же схватил Трофима за руку и опять потащил за собой. Тот, сбитый с толку, поддался. Они побежали. Сперва бежали в толпе. Но толпа быстро сугала, кто куда, по переходам и скоро вся разбежалась. Когда Клим с Трофимом остались вдвоём, Клим, бежавший впереди, остановился. Трофим сразу схватился за него и сердито спросил:

– Вы что все, белены объелись? Куда мы бежим?!

– А мы и не бежим, – ответил Клим. – Мы думаем, где искать карлу.

– Какой карла?! – воскликнул Трофим. – У меня свой розыск!

– Розыск чего? – с насмешкой спросил Клим. И сам же ответил: – Того, кто как и почему царевича убил. А карла это дело мутит. Вот и надо карлу взять, чтоб не мутил.

И тряхнул, отцепляясь, рукой. Но Трофим не отпускал его, а продолжал:

– Там есть ещё одна дверь! Вторая! Вот что нам сейчас надо искать!

– Вторая! – повторил с насмешкой Клим. – Рында это со страху брякнул. А поставь его в хомут, он и про третью скажет. А вот слыхал, что карла говорил? Он на царя всклепал, скотина! Так кто нам важнее: рында или царь?! Дверь или карла? Поэтому, покуда не поймаем карлу, никто про твою дверь слушать не станет.

И он опять тряхнул рукой. Трофим отпустил его. Клим усмехнулся и сказал:

– Ишь, какие речи гнусные! Царь на царевича, на свою кровиночку, руку поднял. И подлый народ в это верит. Но мы эту веру вырвем. За сто рублей ефимками. И сразу станем искать твою дверь. А пока айда за карлой. Я знаю, где он, пёс, таится!

И вот тут Клим развернулся. Трофим вслед за ним. Они вместе сошли с лестницы и пошли по переходу. Там было очень темно, они шли на ощупь, держась за стены. Клим молчал. Волки поганые, думал Трофим. Рында про вторую дверь признался. Вот что нужно было бы сейчас разыскивать – вторую дверь, а они за карлой рыщут.

Только Трофим так подумал, как Клим, идущий впереди, сказал:

– Врёт карла. Не было его в покойной. А люди верят! Потому что складно врёт. Потому что, – тут Клим помолчал, оглянулся на Трофима и негромким голосом продолжил: – В прошлом году царь вот так шута убил. Слыхал?

Трофим промолчал. Но Клим всё равно продолжил:

– Вредный был шут. Злобный. Пьяница! Осип Гвоздев его звали. Стал над царём потешаться. Царь говорит: «Оська, молчи, не доводи до греха!» А Оське что? Нажрался водки, как свинья, и опять: «Государь, государь!...» Ну, тот и не сдержался. И посохом по голове его! И прямо в жилку, вот здесь, у виска. Наповал, как говорится. А тут теперь вдруг царевич! Тоже вроде посохом. Оттого народишко и засмутился. И вот Зюзин и послал нас всех этот срам унимать.

– Так мы куда сейчас? – спросил Трофим.

– Как куда! На бабью половину. На царицыну.

Трофим остановился и сказал:

– Не пойду я туда. Ну их!

– А сто рублей? – спросил Клим.

– Голова дороже. Да и почему надо на бабью? Карла ведь не баба же.

– Ну, карла! – сказал Клим. – У него там место. Я это место знаю. Или ты что, заробел?

А не заробел, так айда!

И они опять пошли по переходу. Шли в полной темноте. Никто им не встречался. Все двери на их пути были закрыты, нигде никаких ни сторожей, ни рундуков видно не было. И это беда, что не видно, с опаской думал Трофим, а вот сейчас как выскочат из-за угла да спросят: ты чего сюда припёрся, пёс, чего тебе от царских баб нужно? И сразу на кол! А то ещё сперва...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.